8(c)P
B 393

73136

Учительницы
просятъ обращаться съ
книгою

БЕРЕЖНО.

Современная Библіотека.

Ч. Вѣтринскій.

Учитель русскаго общества

В. Г. Бѣлинскій.

Изданіе
Т-ва И. Д. Сытина.

Цѣна 25 коп.

Отд. IX
№ 80-

Современная библіотека.

Классъ для взрослыхъ женщинъ въ Екатеринбургѣ.

Ч. Вѣтринскій.

8(С)Р
В 39

Учитель русскаго общества.

Пр. 1955 г.

73136

(В. Г. Бѣлинскій).

БИБЛИОТЕКА
СВЕРДЛОВСКОГО
ГОСУНИВЕРСИТЕТА
им. А. М. ГОРЬКОГО

ИЗДАНІЕ
Т-ва И. Д. Сытина.

Типографический Г.У. Москва

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
МОСКВА.— 1907 г.

ЖЕНЩИНЪ ВЪ СПАТЕ...

Учитель русскаго общества.

(В. Г. Бѣлинскій.)

Въ 1853 году, въ пору крайнихъ гоненій на русскую мысль со стороны правительства Николая I, Некрасовымъ было написано извѣстное трогательное стихотвореніе, посвященное Бѣлинскому, «Памяти пріятеля», горькій упрекъ обществу, впавшему, казалось, въ непробудный сонъ.

Наивная и страстная душа,
Въ комъ помыслы прекрасные кипѣли,
Упорствуя, волнуясь и спѣша,
Ты честно шелъ къ одной высокой цѣли,
Кипѣлъ, горѣлъ—и быстро ты угасъ!
Ты насъ любилъ, ты дружеству былъ вѣренъ,
И мы тебя почтили въ добрый часъ!
Ты по судьбѣ печальной безпримѣренъ:
Твой трудъ живетъ и долго не умретъ,
А ты погибъ, несчастливъ и незнаемъ!
И съ дерева невѣдомаго плодъ
Безпечные безпечно мы вкушаемъ.
Намъ дѣла нѣтъ, кто возрастилъ его,
Кто посвящалъ ему и трудъ и время,
И о тебѣ не скажетъ ничего
Своимъ потомкамъ сдержанное племя...
И съ каждымъ днемъ окружена тѣснѣй,
Затеряна давно твоя могила,
И память благодарная друзей
Дороги къ ней не проторила.

Но къ чести и къ счастью русскаго общества, Некрасовъ ошибался. Правда, самое имя Бѣлинскаго въ ту пору въ печати не называлось, и благоговѣйную память о немъ, какъ о человѣкѣ, хранили лишь немногіе личные друзья. Но не безъ читателей оставались старыя книжки «Отечественныхъ Записокъ» и «Современника», гдѣ печатались статьи Бѣлинскаго; на нихъ воспитывались во всѣхъ концахъ провинціи молодыя силы, и свято хранилось разошедшееся въ безчисленныхъ спискахъ, выученное во всѣхъ концахъ Россіи интеллигентною молодежью наизусть, знаменитое письмо къ Гоголю, общественно-политическое завѣщаніе отца русской критики.

Прошли годы, и теперь имя Бѣлинскаго, когда-то запретное, извѣстно со школьной скамьи каждому мало-мальски образованному человѣку. Но скорбный и прекрасный образъ великаго учителя русскаго общества, «многострадальная тѣнь» его, до сихъ поръ непримиренною витаетъ надъ хаосомъ всколыхнувшейся до послѣднихъ глубинъ русской жизни. Въ наши бурные и грозные дни близкаго крушенія тюремъ русской свободы, въ минуты перерыва ожесточенной борьбы за нее, невольно вспоминаешь и того, кто когда-то, въ еще болѣе трудное время, такъ свято хранилъ и передавалъ другимъ искры священнаго огня...

I.

Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій родился въ 1810 году въ Финляндіи, въ Свеаборгѣ, гдѣ стоялъ флотскій экипажъ, при которомъ отецъ

Бѣлинскаго состоялъ лѣкаремъ. Дѣдъ Бѣлинскаго былъ священникомъ села Бѣлыни (отсюда и пошла самая фамилія), въ Нижнеломовскомъ уѣздѣ, Пензенской губерніи. Вскорѣ послѣ рожденія Виссаріона его отецъ переселился на службу въ родной край, именно уѣзднымъ врачомъ въ городъ Чембаръ. Здѣсь и прошло дѣтство будущаго писателя.

Впослѣдствіи онъ вспоминалъ о дѣтствѣ своемъ большею частью съ тяжелымъ чувствомъ. «Вспомнилъ я разсказъ матери моей, — передаетъ онъ въ одномъ изъ писемъ: — она была охотница рыскать по кумушкамъ... я, грудной ребенокъ, оставался съ нянькою, нанятою дѣвкою; чтобъ я не безпокоилъ ее своимъ крикомъ, она меня душила и била... Впрочемъ, я не былъ грудным: родился я больнымъ при смерти, груди не бралъ и не зналъ ея... сосалъ я рожокъ, и то, если молоко было прокислое и гнилое — свѣжаго не могъ брать. Потомъ: отецъ меня терпѣть не могъ, ругалъ, унижалъ, придирался, билъ нещадно и площадно — вѣчная ему память. Я въ семействѣ былъ чужой. Можетъ-быть, въ этомъ разгадка дикаго явленія: я просто боюсь людей; общество ужасаетъ меня».

Постороннія свидѣтельства подтверждаютъ этотъ неблагопріятный отзывъ Бѣлинскаго о его дѣтствѣ. Отецъ его стоялъ нѣсколько выше уѣзднаго общества по уму и по образованію. Отличался вспыльчивымъ и неуживчивымъ нравомъ, испорченнымъ, быть-можетъ, тѣмъ же обществомъ. Онъ разошелся съ чембарцами, мстилъ имъ ѣдкими насмѣшками, не находилъ

себѣ практики, и средства жизни въ семьѣ были иногда очень скудны. Самыя отношенія между родителями Виссаріона были вслѣдствіе этого далеко не мирныя. Женщина отъ природы добрая, но недалекая, мать Бѣлинскаго не соотвѣтствовала мужу по своему духовному развитію и изъ-за мелочныхъ хозяйственныхъ нуждъ нерѣдко такъ ссорилась съ нимъ, что домашніе буквально бѣжали изъ дому. Все это, конечно, отзывалось на дѣтяхъ. «У жизни есть свои сынки и пасынки, и Виссаріонъ Григорьевичъ принадлежалъ къ числу самыхъ нелюбимыхъ своею лихою мачехою,—разсказываетъ очевидецъ, изображая домашній бытъ этого семейства:—не радостно она встрѣтила его въ родной семьѣ, и дѣтство его, эта веселая, беззаботная пора, было исполнено тревогъ и огорченій столько же, сколько и позднѣйшіе возрасты, и надобно было имѣть ему много воли, много любви, чтобы выйти побѣдителемъ изъ этой страшной борьбы съ роковыми случайностями».

Однако, хотя Виссаріонъ и много терпѣлъ отъ вспышекъ тяжелаго отцовскаго характера, но, повидимому, былъ отцу обязанъ первыми толчками къ умственному развитію. На отца онъ и лицомъ больше походилъ, чѣмъ на мать. Отецъ сочувственно относился и къ пытливой любознательности ребенка, и къ ранней его страсти къ чтенію, и къ остроумію его рѣчей, перенимаемому отъ отца же. Мальчикъ невольно прислушивался къ желчнымъ разсказамъ отца о нравахъ уѣзднаго городка,—а каковы могли быть эти нравы, мы знаемъ хотя бы по комедіи Гоголя «Ревизоръ». Отецъ могъ заронить въ ма-

ленькаго Виссаріона и искру сочувствія къ тяжелому положенію крѣпостныхъ; много темныхъ сторонъ тогдашней жизни и само по себѣ могло поразить впечатлительнаго мальчика.

Онъ учился въ чембарскомъ уѣздномъ училищѣ, и здѣсь въ 1820 году на него обратилъ вниманіе, при ревизіи училища, тогдашній директоръ училищъ Пензенской губерніи, И. И. Лажечниковъ (извѣстный авторъ историческихъ романовъ «Басурманъ», «Ледяной Домъ» и др.).

«Во время дѣлаемаго мною экзамена,—разсказываетъ самъ Лажечниковъ,—выступилъ передо мною между прочими учениками, мальчикъ, лѣтъ 12, котораго наружность съ перваго взгляда привлекла мое вниманіе. Лобъ его былъ прекрасно развитъ, въ глазахъ свѣтлѣлся разумъ не по лѣтамъ; худенькій и маленькій, онъ, между тѣмъ, на лицо казался старѣе, чѣмъ показывалъ его ростъ. Смотрѣлъ онъ очень серьезно... На всѣ дѣлаемые ему вопросы, онъ отвѣчалъ такъ скоро, легко, съ такою увѣренностью, будто налеталъ на нихъ, какъ ястребъ на свою добычу (отчего я тутъ же прозвалъ его ястребкомъ), и отвѣчалъ, большею частью, своими словами, прибавляя ими то, чего не было даже въ казенномъ руководствѣ. Доказательство, что онъ читалъ и книги, не положенныя въ классахъ. Я особенно занялся имъ, бросался съ нимъ отъ одного предмета къ другому, связывая ихъ непрерывною цѣпью, и, признаюсь, старался сбить его... Мальчикъ вышелъ изъ труднаго испытанія съ торжествомъ. Это меня пріятно изумило, также и то, что штатный смотритель не конфузился, что его ученикъ говоритъ не слово въ

слово по учебной книжкѣ (какъ я привыкъ видѣть и съ чѣмъ боролся не мало въ другихъ училищахъ). Напротивъ, лицо добраго и умнаго смотрителя сіяло радостью, какъ будто онъ видѣлъ въ этомъ торжествѣ собственное свое. Я спросилъ его, кто этотъ мальчикъ. «Виссаріонъ Бѣлинскій, сынъ здѣшняго уѣзднаго штабъ-лѣкаря», сказалъ онъ мнѣ. Я поцѣловалъ Бѣлинскаго въ лобъ, съ душевной теплотою привѣтствовалъ его, тутъ же потребовалъ изъ продажной библіотеки какую-то книжонку, на заглавномъ листѣ которой подписалъ: «Виссаріону Бѣлинскому за прекрасные успѣхи въ ученіи (или что-то подобное) отъ такого-то, тогда-то». Мальчикъ принялъ отъ меня книгу безъ особеннаго радостнаго увлеченія, какъ должную себѣ дань, безъ низкихъ поклоновъ, которымъ учатъ бѣдняковъ съ малолѣтства».

Эти воспоминанія, съ нѣкоторою идеализаціею рисующія образъ Бѣлинскаго-мальчика, ничего не говорятъ, что же болѣе всего занимало и интересовало этого «ястребка». Уже въ эту пору страстнымъ увлеченіемъ его была литература, которой впослѣдствіи онъ отдалъ свою жизнь. О дѣтствѣ своемъ, какъ уже сказано, онъ вспоминалъ, вообще говоря, съ чрезвычайною горечью, но раза два въ своихъ статьяхъ онъ съ любовью останавливается на томъ, какъ начиналъ свое литературное образованіе чтеніемъ сплошь всего, что попадалось подъ руку отъ лубочныхъ: «Повѣсти о приключеніяхъ англійскаго милорда Георга», «Еруслана Лазаревича» и «Бовы Королевича» до Карамзина съ «Исторіею Государства Россійскаго» и до Жуковскаго.

«О милордъ англійскій, о великій Георгъ!— писалъ Бѣлинскій однажды, полушутя, полусерьезно, по поводу одного изъ множества изданій этой книги: — Ощущаешь ли ты, съ какимъ грустнымъ, тоскливымъ и вмѣстѣ отраднымъ чувствомъ беру я въ руки тебя, книга почтенная, хотя и безсмысленная! Въ то время, когда я уже бойко читалъ по толкамъ, хотя еще и не умѣлъ писать, въ то время, когда еще только начиналось мое литературное образованіе, когда я прочелъ и «Бову» и «Еруслана» гражданскою печатью, и «повѣсти и романы господина Вольтера», и «Зеркало добродѣтели» съ раскрашенными картинами,— скажи, не тебя ли жадно искалъ я, не къ тебѣ ли тоскливо порывалась душа моя, пламенная ко всему благому и прекрасному?.. Помню тотъ день незабвенный, когда, доставъ тебя, уединился я далеко, кажется, въ огородѣ между грядками бобовъ и гороха, подъ открытымъ небомъ, въ лѣсу пышныхъ подсолнечниковъ — этого роскошнаго украшенія огородной природы, и тамъ, въ этомъ невозмутимомъ уединеніи, быстро переворачивалъ твои толстыя и жесткія страницы, всею душою удивляясь дивнымъ приключеніямъ, такою широкою кистью, такъ могуче и красно изложеннымъ... О милордъ! что ты со мною сдѣлалъ? Ты такъ живо напомнилъ мнѣ золотые годы моего дѣтства, что я вижу ихъ предъ собою; желѣзная современность исчезаетъ изъ моего сознанія; я снова становлюсь ребенкомъ, вотъ уже съ бьющимся сердцемъ бѣгу по пыльнымъ улицамъ моего родного городка, вотъ вхожу на дворъ родимаго дома съ тесовою кровлею, окру-

женный бревенчатымъ заборомъ... Вотъ отъ воротъ до крыльца трехугольный палисадникъ, съ акаціями, черемуховымъ деревомъ и купою розановъ... Вотъ и огородъ, которому со двора оградою служитъ погребъ и другія службы, съ небольшими промежутками частокола, а съ остальныхъ трехъ сторонъ плетень... Вотъ и маленькая баня при входѣ въ огородъ, даже и среди бѣлаго дня пугавшая мое дѣтское воображеніе своею таинственною пустотою... а вотъ возлѣ нея и стогъ сѣна, на которомъ я часто воображалъ себя то Александромъ Македонскимъ, то Еруслановъ Лазаревичемъ... вотъ онъ и весь огородъ, съ своими грядами, своими подсолнечниками, которые черезъ его плетень дружелюбно наклонили свои густыя вѣтви... А въ домѣ — тамъ нѣтъ ни комнаты ни мѣста на чердакѣ, гдѣ бы я не читалъ или не мечталъ, или, позднѣе, не сочинялъ...»

По поводу одной книжки стихотвореній Бѣлинскій также вспоминаетъ невольно «золотое время дѣтства»:

«Еще будучи мальчикомъ и ученикомъ уѣзднаго училища, я въ огромныя кипы тетрадей, неутомимо, денно и нощно, и безъ всякаго разбору, списывалъ стихотворенія Карамзина, Дмитріева, Сумарокова, Державина, Хераскова, Петрова, Станевича, Богдановича, Максима Невзорова, Крылова и другихъ, я плакалъ, читая «Бѣдную Лизу» и «Марьину Рощу» и вмѣнялъ себѣ въ священнѣйшую обязанность бродить по полямъ, при томномъ свѣтѣ луны, съ понурымъ лицомъ à Ia Эрастъ Чертополоховъ. Воспоминанія дѣтства такъ обольстительны, къ тому же природа

дала мнѣ самое чувствительное сердце и сдѣлала меня поэтомъ, ибо, еще будучи ученикомъ уѣзднаго училища, я писалъ баллады и думалъ, что онѣ не хуже балладъ Жуковскаго, не хуже «Раисы» Карамзина, отъ которой я тогда сходилъ съ ума». Стихи мальчикъ-Бѣлинскій писалъ вообще, по его признанію, «въ родѣ чисто классическомъ и совершенно чувствительномъ», съ романтическимъ же онъ познакомился уже тогда, когда въ немъ совсѣмъ прошло это «стихотворное неистовство».

Это увлеченіе литературою не прерывалось и въ пензенской гимназіи, куда Бѣлинскій поступилъ въ 1825 г. Постановка преподаванія была здѣсь, какъ говоритъ тотъ же Лажечниковъ, далеко не удовлетворительна. Нашелся, однако, среди педагоговъ человѣкъ, не похожій на своихъ товарищей, которые мало интересовались и учениками и преподаваніемъ, смотря на послѣднее, какъ на несложное ремесло: задалъ выучить урокъ по учебнику — и конецъ дѣлу. Учитель естественной исторіи, М. М. Поповъ, одно время преподававшій въ старшемъ классѣ и словесность, былъ, по выраженію Лажечникова, «кладомъ для гимназіи». Человѣкъ образованный, любившій науку и литературу, онъ тепло и участливо относился къ ученикамъ и особое вниманіе обратилъ на Бѣлинскаго, какъ на ученика, видимо, очень способнаго.

Бѣлинскій мало успѣвалъ у учителей, требовавшихъ одного заучиванія уроковъ наизусть. «Бывало, поэкзаменуйте его, какъ обыкновенно экзаменуютъ дѣтей, — вспоминаетъ о своемъ любимомъ ученикѣ Поповъ: — онъ — изъ по-

слѣдникъ; а поговорите съ нимъ дома, по-дружески, даже о точныхъ наукахъ, онъ — первый ученикъ. Учителя словесности были не совсѣмъ довольны его успѣхами, но сказывали, что онъ лучше всѣхъ товарищей своихъ писалъ сочиненія на заданныя темы»...

«Онъ бралъ у меня книги и журналы,—разсказываетъ Поповъ,—пересказывалъ мнѣ прочитанное, судилъ и рядилъ обо всемъ, задавалъ вопросъ за вопросомъ... По лѣтамъ и тогдашнимъ отношеніямъ нашимъ, онъ былъ неравный мнѣ; но не помню, чтобы въ Пензѣ съ кѣмъ-нибудь другимъ я такъ душевно разговаривалъ, какъ съ нимъ, о наукахъ и литературѣ... Естественныя науки превращались у насъ въ теорію или исторію литературы. Отъ Бюффона-натуралиста я переходилъ къ Бюффону-писателю, отъ Гумбольдтовой географіи растеній къ его «Картинамъ природы», отъ нихъ—къ поэзіи разныхъ странъ, потомъ — къ цѣлому міру въ сочиненіяхъ Тацита и Шекспира, къ поэзіи въ сочиненіяхъ Шиллера и Жуковскаго... А гербаризація? Бывало, когда отправлюсь съ учениками за городъ, во всю дорогу, пока не дойдемъ до засѣки, что позади городского гулянья, или до рощи, что за рѣкой Пензой, Бѣлинскій пристаетъ ко мнѣ съ вопросами о Гёте, Вальтеръ-Скоттѣ, Байронѣ, Пушкинѣ, романтизмѣ и обо всемъ, что волновало въ то доброе время наши молодыя сердца».

Всѣ новѣйшія произведенія русской литературы на гимназической скамьѣ привлекали живое вниманіе Бѣлинскаго. Онъ и самъ писалъ въ эту пору стихи, при чемъ, по собственнымъ

его словамъ, почиталъ себя одно время «опаснымъ соперникомъ Жуковскаго». Онъ былъ уже и ярымъ поклонникомъ Пушкина, первыя произведенія котораго оставляли по себѣ сильное впечатлѣніе въ молодыхъ читателяхъ. Все въ Пушкинѣ было ново и привлекательно; небывалый еще по легкости и изяществу русскій стихъ, новыя формы, новое содержаніе—все это предвѣщало новую эру въ литературѣ. Слова Тургенева ярко передаютъ обаяніе, производимое Пушкинымъ на современниковъ, и въ томъ числѣ и на Бѣлинскаго: «Пушкинъ былъ въ ту эпоху для меня, какъ и для моихъ сверстниковъ, чѣмъ-то въ родѣ полубога. Мы, дѣйствительно, поклонялись ему». Помимо новѣйшихъ произведеній, Бѣлинскій продолжалъ читать и перечитывать все, что было подъ руками, и это чтеніе, хотя и безпорядочное, дало ему, на школьной еще скамьѣ, то обширное и подробное знакомство съ русской литературой, которое такъ пригодилось ему впослѣдствіи, когда онъ выступилъ критикомъ. Въ это же время онъ пристрастился и къ театру. Чтобы имѣть возможность посѣщать театръ, Бѣлинскій всячески сокращалъ и урѣзывалъ и безъ того скромные свои расходы.

Будучи въ гимназіи, онъ жилъ на частной квартирѣ, вмѣстѣ съ нѣсколькими бѣдняками-семинаристами. Нерѣдко приходилось терпѣть нужду. «Въ гимназіи по возрасту и по возмужалости,—вспоминаетъ Поповъ,—Бѣлинскій во всѣхъ классахъ былъ старше многихъ сотоварищей. Наружность его мало измѣнилась впослѣдствіи; онъ и тогда былъ неуклюжъ, угловатъ въ

движеніяхъ. Неправильныя черты лица его между хорошенькими лицами другихъ дѣтей казались суровыми и старыми. На вакаціи онъ ѣздилъ въ Чембаръ, но не помню, чтобы отецъ его пріѣзжалъ къ нему въ Пензу; не помню, чтобы кто-нибудь принималъ въ немъ участіе. Онъ, видимо, былъ безъ женскаго призору, носилъ платье кое-какое, иногда съ непочиненными прорѣхами. Другой на его мѣстѣ смотрѣлъ бы жалкимъ, заброшеннымъ мальчикомъ, а у него взглядъ и поступки были смѣлые, какъ бы говорившіе, что онъ не нуждается ни въ чьей помощи, ни въ чьемъ покровительствѣ. Таковъ онъ былъ и послѣ, такимъ пошелъ и въ могилу». Съ ранней поры Бѣлинскому приходилось, такимъ образомъ, проходить въ жизни суровую школу, которая, однако, не надломила его таланта и нравственной самостоятельности.

Гимназіи Бѣлинскій не кончилъ. Въ февралѣ 1829 г. онъ былъ исключенъ изъ списка учениковъ, съ отмѣткою «за нехожденіе въ классъ». Это нехожденіе объяснялось тѣмъ, что Бѣлинскій, уже восемнадцатилѣтній юноша, задумалъ поступить въ университетъ и надѣялся дома скорѣе, чѣмъ въ гимназіи, приготовиться ко вступительному экзамену.

Онъ добился своего, и въ сентябрѣ 1829 г. былъ уже студентомъ Московскаго университета по словесному факультету.

Университетъ, однако, во многомъ разочаровалъ рвавшагося въ него Бѣлинскаго. Московскій университетъ въ эти годы далеко не стоялъ еще на той высотѣ въ дѣлѣ науки и просвѣщенія, на которую поднялся впослѣдствіи, когда

съ 1835 г. во главѣ его сталъ попечитель графъ С. Г. Строгановъ. Новый попечитель обновилъ составъ профессоровъ, сумѣлъ привлечь въ него и подготовить молодыхъ европейски образованныхъ ученыхъ, каковы были Рѣдкинъ, Крыловъ, Грановскій, Кавелинъ, Соловьевъ, Кудрявцевъ и др. Во времена же Бѣлинскаго, по выраженію его товарища по университету, извѣстнаго впослѣдствіи славянофила К. С. Аксакова: «солнце истины освѣщало умы очень тускло и холодно». Предметъ, наиболѣе интересовавшій Бѣлинскаго,— русская словесность — скучно и монотонно читалась престарѣлымъ профессоромъ Побѣдоносцевымъ, который держался всецѣло литературныхъ преданій, взглядовъ и вкусовъ XVIII вѣка. На лекціяхъ его студенты больше, чѣмъ слушали, болтали и школьничали. Бѣлинскій изъ университетскихъ преподавателей болѣе всего могъ цѣнить Надеждина. Литературно-критическія статьи Надеждина, подобно лекціямъ его, оставили, какъ извѣстно, свой слѣдъ на литературныхъ взглядахъ Бѣлинскаго.

Если университетскія лекціи мало дали Бѣлинскому знаній и возбужденій къ умственной дѣятельности, то, съ другой стороны, много дала среда, кругъ товарищей, гдѣ онъ вращался. Университетская молодежь старалась самостоятельно удовлетворить своимъ интересамъ и запросамъ. Русская литература и ея новинки въ этихъ интересахъ занимали главное мѣсто. Бѣлинскій, попавшій на «казенный счетъ», устраиваетъ въ 11-мъ номерѣ студенческаго общежитія литературные вечера, на которыхъ находили себѣ откликъ всѣ тогдашнія литературныя злобы дня.

«Умственная дѣятельность (въ студенческомъ кругу), особенно въ II-мъ номерѣ, шла бойко,— разсказываетъ товарищъ Бѣлинскаго:—споръ о классицизмѣ и романтизмѣ еще не прекращался тогда между литераторами... И между студентами были свои классики и романтики, сильно ратовавшіе между собою на словахъ. Нѣкоторые изъ старшихъ студентовъ, слушавшіе теорію краснорѣчія и поэзіи Мерзлякова и напитанные его переводами изъ греческихъ и римскихъ поэтовъ, были въ восторгѣ отъ его перевода Тассова «Іерусалима» и очень неблагосклонно отзывались о «Борисѣ Годуновѣ» Пушкина, только что появившемся въ печати, съ торжествомъ указывая на глумливые о немъ отзывы въ «Вѣстникѣ Европы». Первогодичные студенты, воспитанные въ школѣ Жуковскаго и Пушкина и не заставшіе уже въ живыхъ Мерзлякова, мало сочувствовали его переводамъ и взамѣнъ этого знали наизусть прекрасныя пѣсни его и безпрестанно декламировали цѣлыя сцены изъ комедіи Грибоѣдова, которая тогда еще не была напечатана. Пушкинъ приводилъ насъ въ неописанный восторгъ. Между младшими студентами самымъ ревностнымъ поборникомъ романтизма былъ Бѣлинскій, который отличался необыкновенной горячностью въ спорахъ и, казалось, готовъ былъ вызвать на битву всѣхъ, кто противорѣчилъ его убѣжденіямъ. Увлекаясь пылкостью, онъ ѣдко и безпощадно преслѣдовалъ все пошлое и фальшивое, былъ жестокимъ гонителемъ всего, что отзывалось риторикою и литературнымъ старовѣрствомъ. Доставалось отъ него иногда не только Ломоносову, но и Держа-

вину за риторическіе стихи и пустозвонныя фразы».

Любопытенъ для характеристики Бѣлинскаго и его воспріимчивости къ художественнымъ красотамъ разсказъ современника о томъ, какъ Бѣлинскій встрѣтилъ «Бориса Годунова», въ то время только что появившагося въ печати въ полномъ видѣ. Трагедія Пушкина привела Бѣлинскаго въ восторгъ. Онъ съ удивленіемъ замѣчалъ въ этой драмѣ вѣрность изображенія времени, жизни и людей; чувствовалъ поэзію въ пятистопныхъ безриѳменныхъ стихахъ, которые прежде называлъ прозаичными; чувствовалъ поэзію и въ самой прозѣ Пушкина. Особенно поразила его сцена «Корчма на литовской границѣ». Прочитавъ разговоръ хозяйки корчмы съ сошедшимися у нея бродягами, улики противъ Григорія и бѣгство его черезъ окно, Бѣлинскій выронилъ книгу изъ рукъ, чуть не сломалъ стула, на которомъ сидѣлъ, и восторженно закричалъ: «Да это живые; я видѣлъ, я вижу, какъ онъ бросился въ окно!» Эта необычайная воспріимчивость къ художественнымъ впечатлѣніямъ, эстетическое чутье всегда были и впослѣдствіи надежными руководителями Бѣлинскаго при оцѣнкѣ новыхъ поэтическихъ произведеній, а эта способность воспламеняться и заражать читателей своимъ благороднымъ, всегда искреннимъ энтузіазмомъ много содѣйствовала его литературному успѣху и вліянію.

Въ университетской обстановкѣ, вблизи литературнаго движенія, въ которомъ играли тогда важную роль и члены университета (особенно Надеждинъ) и интересъ къ которому поддер-

Библиотека

живался въ немъ и кружкомъ товарищей, Бѣлинскій послѣ гимназическаго стихотворства хотѣлъ снова попробовать свои силы. Онъ не зналъ пока своей настоящей дороги и, подъ вліяніемъ увлеченія романтическими драмами Шиллера, особенно «Разбойниками», написалъ трагедію «Дмитрій Калининъ», переполненную страстными тирадами о людскихъ злодѣйствахъ и страданіяхъ невинныхъ. Несмотря на неестественность и ходульность необузданныхъ страстей, изображенныхъ въ трагедіи, она замѣчательна какъ потому, что выражала пылкія идеальныя стремленія 20-лѣтняго Бѣлинскаго, такъ и потому, что онъ внесъ въ свое произведеніе кое-что, навѣянное непосредственно знакомымъ ему помѣщичьимъ крѣпостнымъ бытомъ. Мысль трагедіи дали эти наблюденія провинціальнаго быта и негодованіе противъ возмутительныхъ явленій крѣпостного права.

На свое произведеніе Бѣлинскій возлагалъ большія надежды, ожидая отъ него не только литературной славы, но и матеріальныхъ выгодъ. Эти надежды очень скоро рухнули. Когда пьеса была представлена въ цензурный комитетъ, то профессорамъ университета, засѣдавшимъ въ комитетѣ, она показалась крайне предосудительною, и Бѣлинскому сдѣланъ былъ выговоръ.

Эта неудача сильно поразила Бѣлинскаго, хотя онъ вскорѣ радовался уже, что слабое это произведеніе не увидѣло свѣта. Но дѣло этимъ не ограничилось. Дурное впечатлѣніе, произведенное трагедіею на профессоровъ, отразилось на ея авторѣ еще болѣе чувствительнымъ образомъ. Еще до того у Бѣлинскаго происходили какія-то столк-

новенія съ инспекціей и съ однимъ изъ профессоровъ. Эти столкновенія, непосѣщеніе лекцій и, наконецъ, исторія съ трагедіей вызвали со стороны профессоровъ строгое отношеніе къ Бѣлинскому. Весной 1832 года онъ тяжело былъ боленъ, надѣялся сдать экзамены осенью, но въ сентябрѣ состоялось опредѣленіе объ исключеніи его изъ университета «за неспособность».

По выходѣ изъ университета, Бѣлинскій очутился въ самыхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Онъ перебивался то уроками, то переводною и иною мелкою литературною работой, которую нашелъ, благодаря знакомству съ Надеждинымъ, въ издаваемыхъ послѣднимъ журналахъ «Телескопѣ» и «Молвѣ». Матеріальное положеніе Бѣлинскаго стало поправляться нѣсколько лишь съ 1834 года, когда появились его статьи, подъ заглавіемъ «Литературныя мечтанія», обратившія сразу общее вниманіе на начинающаго критика. Благодаря извѣстности, которую пріобрѣталъ Бѣлинскій, мало-по-малу, лучше оплачивался и его литературный трудъ. Но вотъ еще въ какой печальной обстановкѣ засталъ Бѣлинскаго въ Москвѣ Лажечниковъ, навѣстившій его однажды:

«Бѣлинскій квартировалъ въ *бельэтажѣ* (слово это было подчеркнуто въ его адресѣ), въ какомъ-то переулкѣ между Трубой и Петровкой. Красивъ же былъ его бельэтажъ! Внизу жили и работали кузнецы. Пробраться къ нему надо было по грязной лѣстницѣ; рядомъ съ его каморкой была прачечная, изъ которой безпрестанно неслись къ нему испаренія мокраго бѣлья и вонючаго мыла. Каково было дышать этимъ воздухомъ, особенно ему, со слабой грудью! Ка-

ково было слышать за дверями упоительную бесѣду прачекъ и подъ собою стукотню отъ молотовъ русскихъ циклоповъ, если не подземныхъ, то подпольныхъ! Не говорю о бѣднѣйшей обстановкѣ его комнаты, не запертой (хотя я не засталъ хозяина дома), потому что въ ней нечего было украсть. Прислуги — никакой; онъ ѣлъ, вѣроятно, то, что ѣли его сосѣдки. Сердце мое облилось кровью... Я спѣшилъ бѣжать отъ смрада испареній, обхватившихъ меня, скорѣе на чистый воздухъ, чтобы хоть нѣсколько облегчить грудь отъ всего, что я видѣлъ, что я прочувствовалъ въ этомъ убогомъ жилищѣ литератора, заявившаго Россіи уже свое имя».

Они вмѣстѣ придумывали средства, какъ выйти Бѣлинскому изъ этого положенія, и, наконецъ, рѣшили, чтобы онъ поступилъ въ домашніе секретари одного богатаго барина, пописывавшаго кое-что подъ псевдонимомъ. Занятія секретаря должны были состоять въ исправленіи грамматическихъ и другихъ погрѣшностей въ сочиненіяхъ этого любителя литературы. Лажечниковъ и рекомендовалъ въ секретари Бѣлинскаго.

«Вскорѣ онъ водворенъ въ аристократическомъ домѣ, — разсказываетъ Лажечниковъ: — пользуется не только чистымъ, даже ароматическимъ воздухомъ, имѣетъ прислугу, которая летаетъ по его мановенію, имѣетъ хорошій столъ, отличныя вина, слушаетъ музыку разныхъ европейскихъ знаменитостей (одна дочь его прев-ва музыкантша), располагаетъ огромной библіотекой, будто собственной, однимъ словомъ, катается, какъ сыръ въ маслѣ. Но вскорѣ заходятъ

тучи надъ этой блаженной жизнью. Оказывается, что за нее надо подчасъ жертвовать своими убѣжденіями, собственной рукой писать имъ приговоры, дѣйствовать противъ совѣсти. И вотъ, въ одно прекрасное утро, Бѣлинскій исчезаетъ изъ дома, начиненнаго всѣми житейскими благами, исчезаетъ со своимъ добромъ, завязаннымъ въ носовой платокъ, и съ сокровищемъ, которое онъ носитъ въ груди своей. Его превосходительству оставлена записка съ извиненіемъ нижеподписавшагося покорнаго слуги, что онъ не сроденъ къ должности домашняго секретаря».

Тяжелыя испытанія, вынесенныя Бѣлинскимъ въ его трудные Lehrjahre не заставили его упасть духомъ. О его бодромъ нравственномъ настроеніи даютъ понятіе слова, сказанныя имъ въ письмѣ къ матери, еще въ то время, когда его внѣшнія обстоятельства были очень неблагопріятны.

«Я нигдѣ и никогда не пропаду, несмотря на всѣ гоненія жестокой судьбы,—писалъ Бѣлинскій.— Чистая совѣсть, увѣренность въ незаслуженности несчастій, нѣсколько ума, порядочный запасъ опытности, а болѣе всего нѣкоторая твердость въ характерѣ не дадутъ мнѣ погибнуть. Не только не жалуюсь на мои несчастія, но еще радуюсь имъ: собственнымъ опытомъ узналъ я, что школа несчастія есть самая лучшая школа! Будущее не страшитъ меня. Перебираю мысленно всю жизнь мою, и хотя съ какимъ-то горестнымъ чувствомъ вижу, что я ничего не сдѣлалъ хорошаго или замѣчательнаго, зато не могу упрекнуть себя ни въ какой низости, ни въ какой подлости, ни въ какомъ поступкѣ, клонящемся ко вреду ближняго».

Несмотря на всѣ жизненныя испытанія и припадки острой хандры, горечи и недовольства, настроеніе, вылившееся въ этомъ письмѣ, настроеніе безупречно чистаго душою борца за все признанное имъ благимъ и высокимъ остается у Бѣлинскаго преобладающимъ въ его послѣдующей жизни и дѣятельности.

II.

Внѣшнія событія жизни Бѣлинскаго въ тѣ 14 лѣтъ до его смерти, которыя всецѣло были отданы служенію русской литературѣ, очень несложны. Это—событія, неизбѣжныя въ жизни необезпеченнаго литератора - труженика: много тяжелаго и утомительнаго труда, оплачиваемаго нерѣдко плохо; иногда лишенія, переходы отъ работы къ отдыху или горячему обмѣну мнѣній въ кругу немногихъ друзей-единомышленниковъ и снова къ срочной работѣ—въ общемъ жизнь, не представляющая никакихъ внѣшнихъ блестящихъ разительныхъ чертъ. Но, несомнѣнно, она давала Бѣлинскому, несмотря на многія и неизбѣжныя огорченія, то глубокое нравственное удовлетвореніе, которое дороже всего во всякой дѣятельности, какъ жизнь полная глубокаго нравственнаго смысла и содержанія.

Бѣлинскій писалъ сначала въ московскихъ «Телескопѣ» и «Молвѣ», потомъ въ «Московскомъ Наблюдателѣ». Осенью 1839 г. онъ перебрался въ Петербургъ, гдѣ завѣдывалъ критическимъ и библіографическимъ отдѣлами сначала въ «Отечественныхъ Запискахъ», а съ 1847 года въ «Современникѣ». Петербургскій періодъ

сго литературной дѣятельности является наиболѣе важнымъ и плодотворнымъ для русской литературы. Къ этому же времени относится и наибольшее количество извѣстій и воспоминаній современниковъ лично о Бѣлинскомъ. Эти воспоминанія, большая часть которыхъ оставлена первостепенными литературными дѣятелями, и обширная переписка Бѣлинскаго даютъ такой благодарный матеріалъ, что достаточно сгруппировать немногое, чтобы всѣ существенныя черты личности Бѣлинскаго, неразрывно связанныя съ его литературною дѣятельностью и во многомъ ее объясняющія, выступили предъ читателемъ ярко и выпукло.

Начнемъ съ внѣшности Бѣлинскаго. «Это былъ,—пишетъ Тургеневъ, одинъ изъ ближайшихъ друзей Бѣлинскаго,—человѣкъ средняго роста, на первый взглядъ довольно некрасивый и даже нескладный, худощавый, съ впалою грудью и понурой головой. Одна лопатка замѣтно выдавалась больше другой. Всякаго, даже не медика, немедленно поражали въ немъ всѣ главные признаки чахотки... При томъ же (въ послѣніе годы) онъ почти постоянно кашлялъ. Лицо онъ имѣлъ небольшое, блѣдно-краснова-тое, носъ неправильный, какъ бы приплюснутый, ротъ слегка искривленный, особенно, когда раскрывался, маленькіе частые зубы; густые бѣлокурые волосы падали клокомъ на бѣлый, прекрасный, хотя и низкій лобъ. Я не видывалъ глазъ, болѣе прелестныхъ, чѣмъ у Бѣлинскаго. Голубые, съ золотыми искорками въ глубинѣ зрачковъ, эти глаза, въ обычное время полузакрытые рѣсницами, расширялись и сверкали въ ми-

нуты воодушевленія; въ минуты веселости взглядъ ихъ принималъ плѣнительное выраженіе привѣтливой доброты и безпечнаго счастія. Голосъ у Бѣлинскаго былъ слабъ, съ хрипотою, но пріятенъ; говорилъ онъ съ особенными удареніями и придыханіями, «упорствуя, волнуясь и спѣша» (стихъ г. Некрасова). Смѣялся онъ отъ души, какъ ребенокъ. Онъ любилъ расхаживать по комнатѣ, постукивая пальцами красивыхъ и маленькихъ рукъ по табакеркѣ съ табакомъ. Кто видѣлъ его только на улицѣ, когда въ тепломъ картузѣ, старой енотовой шубенкѣ и стоптанныхъ калошахъ, онъ торопливой и неровной походкой пробирался вдоль стѣнъ и съ пугливой суровостью, свойственной нервическимъ людямъ, озирался вокругъ, тотъ не могъ составить себѣ вѣрнаго о немъ понятія... Между чужими людьми на улицѣ Бѣлинскій легко робѣлъ и терялся. Дома онъ носилъ обыкновенно сѣрый сюртукъ на ватѣ и держался вообще очень опрятно».

«Но для того, чтобы имѣть о Бѣлинскомъ полное понятіе, видѣть его во всемъ блескѣ,— вспоминалъ другой близкій другъ его, И. И. Панаевъ,—надобно было навести разговоръ на тѣ общественные предметы и вопросы, которые живо его затрогивали, и раздражить его противорѣчіемъ; затронутый, онъ вдругъ выросталъ, слова его лились потокомъ, вся фигура дышала внутренней энергіей и силой, голосъ по временамъ задыхался, всѣ мускулы лица приходили въ напряженіе... Онъ нападалъ на своего противника съ силой человѣка, власть имѣющаго, мимоходомъ игралъ имъ, какъ соломенкой, издѣ-

вался, ставилъ его въ комическое положеніе и, между тѣмъ, продолжалъ развивать свою мысль съ энергіей поразительной. Въ такія минуты этотъ обыкновенно застѣнчивый, робкій и неловкій человѣкъ былъ неузнаваемъ». Друзья называли Бѣлинскаго за эти минуты безудержнаго увлеченія «неистовымъ Виссаріономъ».

«Въ этомъ застѣнчивомъ человѣкѣ, въ этомъ хиломъ тѣлѣ обитала мощная, гладіаторская натура! — вспоминаетъ Герценъ.— Да, это былъ сильный боецъ: онъ не умѣлъ проповѣдывать, поучать, ему надобенъ былъ споръ. Безъ возраженій, безъ раздраженія, онъ нехорошо говорилъ, но когда онъ чувствовалъ себя уязвленнымъ, когда касались до его дорогихъ убѣжденій, когда у него начинали дрожать мышцы щекъ и голосъ прерывался, тутъ надобно было его видѣть: онъ бросался на противника барсомъ, онъ рвалъ его на части, дѣлалъ его смѣшнымъ, дѣлалъ его жалкимъ и по дорогѣ съ необычайной силой, съ необычайной поэзіей развивалъ свою мысль. Споръ оканчивался очень часто кровью, которая у больного лилась изъ горла. Блѣдный, задыхающійся, съ глазами, остановленными на томъ, съ кѣмъ говорилъ, онъ дрожащей рукой поднималъ платокъ ко рту и останавливался, глубоко огорченный, уничтоженный своей физическою слабостью. Какъ я любилъ и какъ жалѣлъ я его въ эти минуты!»

Вотъ разсказъ того же Герцена объ одномъ изъ характерныхъ для Бѣлинскаго столкновеній. Дѣло было на вечерѣ, гдѣ собрались литераторы и выступилъ съ докторальною рѣчью противъ знаменитаго письма Чаадаева какой-то «магистръ

изъ Берлина, ослабившій свои способности философіей и филологіей». Когда магистръ обозвалъ письма Чаадаева «гнуснымъ и презрительнымъ», вступился Герценъ, но магистръ толковалъ о цѣлости народа, о единствѣ отечества, о преступленіи разрушать это единство, о святыняхъ, до которыхъ нельзя касаться.

«Вдругъ мою рѣчь подкосилъ Бѣлинскій,— вспоминаетъ Герценъ,—онъ вскочилъ со своего дивана, подошелъ ко мнѣ, уже блѣдный какъ полотно и, ударивъ меня по плечу, сказалъ: «Вотъ они высказались—инквизиторы, цензоры—на веревочкѣ мысль водить»... И пошелъ и пошелъ. Съ грознымъ вдохновеніемъ говорилъ онъ, приправляя серьезныя слова убійственными колкостями. «Что за обидчивость такая! Палками бьютъ—не обижаемся, въ Сибирь посылаютъ — не обижаемся, а тутъ Чаадаевъ — видите, зацѣпилъ народную честь, — не смѣй говорить; рѣчь — дерзость; лакей никогда не долженъ говорить! Отчего же въ странахъ больше образованныхъ, гдѣ, кажется, чувствительность тоже должна быть развитѣе, чѣмъ въ Костромѣ да Калугѣ, не обижаются словами?»

«— Въ образованныхъ странахъ,—сказалъ съ неподражаемымъ самодовольствомъ магистръ,— есть тюрьмы, въ которыя запираютъ безумныхъ, оскорбляющихъ то, что цѣлый народъ чтитъ... и прекрасно дѣлаютъ.

«Бѣлинскій выросъ. Онъ былъ страшенъ, великъ въ эту минуту! Скрестивъ на больной груди руки и глядя прямо на магистра, онъ отвѣтилъ глухимъ голосомъ:

«— А въ еще болѣе образованныхъ странахъ бываетъ гильотина, которой казнятъ тѣхъ, которые находятъ это прекраснымъ!

«Сказавши это, онъ бросился на кресло, изнеможенный, и замолчалъ. При словѣ гильотина хозяинъ поблѣднѣлъ, гости обезпокоились, сдѣлалась пауза. Магистръ былъ уничтоженъ».

Эта способность Бѣлинскаго загораться пламеннымъ негодованіемъ въ случаяхъ въ родѣ приведеннаго, способность во все, что говорилъ и писалъ, вкладывать душу — покоряла Бѣлинскому всѣхъ, кто имѣлъ счастье ближе присмотрѣться къ нему.

«Онъ имѣлъ на меня и на всѣхъ насъ чарующее дѣйствіе,—вспоминаетъ третій изъ членовъ тѣснаго кружка, группировавшагося въ Петербургѣ около Бѣлинскаго и редакціи «Отеч. Зап.», К. Д. Кавелинъ. — Это было нѣчто гораздо больше оцѣнки ума, обаянія таланта,—нѣтъ, это было дѣйствіе человѣка, который не только шелъ далеко впереди насъ яснымъ пониманіемъ стремленій и потребностей того мыслящаго меньшинства, къ которому мы принадлежали, не только освѣщалъ и указывалъ намъ путь, но всѣмъ своимъ существомъ жилъ для тѣхъ идей и стремленій, которыя жили во всѣхъ насъ, отдавался имъ страстно, наполнялъ ими все свое бытіе. Прибавьте къ этому гражданскую, политическую и всяческую безупречность, безпощадность къ самому себѣ, при большомъ самолюбіи, и вы поймете, почему этотъ человѣкъ господствовалъ въ кружкѣ неограниченно. Мы понимали, что онъ въ своихъ сужденіяхъ часто бывалъ неправъ, увлекался страстно за предѣлы

истины; мы знали, что свѣдѣнія его, кромѣ русской литературы и ея исторіи, бывали недостаточны; мы видѣли, что Бѣлинскій часто поступалъ, какъ ребенокъ, какъ ребенокъ капризничалъ, малодушествовалъ и увлекался... Но все это исчезало передъ подавляющимъ авторитетомъ великаго таланта, страстной, благороднѣйшей гражданской мысли и чистой, безъ пятна, личности, которой нельзя было подкупить ничѣмъ, даже ловкою игрой на струнѣ самолюбія. Бѣлинскаго въ нашемъ кружкѣ не только нѣжно любили и уважали, но и побаивались. Каждый пряталъ гниль, которую носилъ въ душѣ, какъ можно подальше»...

«Вліяніе Бѣлинскаго на мое нравственное и умственное воспитаніе за этотъ періодъ моей жизни,— добавляетъ Кавелинъ,— было неизмѣримо, и оно никогда не изгладится изъ моей памяти». И подобное же признаніе дѣлаютъ такія крупныя величины русской литературы, какъ Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій, Некрасовъ и другъ.

«Наивная и страстная душа», такъ характеризуетъ Бѣлинскаго Некрасовъ въ извѣстномъ стихотвореніи «Памяти пріятеля». Это, дѣйствительно, была «наивная душа», полная простоты, искренности, не знавшая никакихъ своекорыстныхъ расчетовъ, по-дѣтски открытая. Дѣтей же онъ любилъ горячо, и своихъ и чужихъ. Трогательны черты его дѣтскаго простодушія въ практическихъ дѣлахъ.

«Безкорыстнѣе и честнѣе Бѣлинскаго я не встрѣчалъ ни одного человѣка въ литературѣ въ

послѣднія двадцать лѣтъ,—говоритъ Панаевъ.—Когда рѣчь заходила о платѣ за трудъ, онъ приходилъ въ крайнее смущеніе, весь вспыхивалъ и сейчасъ же соглашался на всякія предложенія, самыя невыгодныя для себя... Съ деньгами онъ обращался, какъ ребенокъ: онъ то экономничалъ, лишалъ себя необходимаго, то вдругъ прорывался и позволялъ себѣ неслыханныя роскоши при своемъ положеніи. Увлеченіе было его натурою, и онъ увлекался даже мелочами». Панаевъ изумился однажды въ Москвѣ, войдя къ Бѣлинскому и увидѣвъ его бѣдную комнату уставленную цвѣтами. «У меня, батюшка, страсть къ цвѣтамъ. Я зашелъ сегодня утромъ въ цвѣточный рядъ и соблазнился. Послѣдніе тридцать рублей отдалъ... Завтра ужъ мнѣ формально ѣсть нечего будетъ»... И, несмотря на это, Бѣлинскій въ это утро былъ веселѣе и одушевленнѣе обыкновеннаго. Съ такимъ же дѣтскимъ увлеченіемъ Бѣлинскій игралъ въ дни отдыха въ карты съ пріятелями. «Повѣритъ ли читатель,—пишетъ, напр., Кавелинъ,—что въ нашу игру, невиннѣйшую изъ невинныхъ, которая въ худшемъ случаѣ оканчивалась рублемъ, двумя, Бѣлинскій вносилъ всѣ перипетіи страсти, отчаянія и радости, точно участвовалъ въ великихъ историческихъ событіяхъ? Садился онъ играть съ большимъ увлеченіемъ, и, если ему везло, былъ довольно веселъ... Поставя нѣсколько ремизовъ, Бѣлинскій становился мрачнымъ; жаловался на судьбу, которая его во всемъ преслѣдуетъ, и, наконецъ, съ отчаяніемъ бросалъ карты и уходилъ въ темную комнату. Мы продолжали игру какъ будто ни въ чемъ не бывало. Куль-

чицкій *) (игравшій обыкновенно счастливо) нарочно ремизился отчаянно, и мы шумно выражали свою радость, что наконецъ-то и онъ попался. Послѣ двухъ-трехъ такихъ умышленныхъ ремизовъ и криковъ сосѣдняя дверь тихонько пріотворялась, и Бѣлинскій выглядывалъ оттуда на игру съ сіяющимъ лицомъ. Еще два-три ремиза—и онъ выходилъ изъ темной комнаты, съ азартомъ садился за игру, и она продолжалась вчетверомъ попрежнему. Такая наивность и ребячество меня всегда глубоко поражали въ замѣчательныхъ людяхъ и еще сильнѣе къ нимъ привязывали... Я дорожу этой чертой, какъ очень характеристической въ Бѣлинскомъ».

«Это была самая восторженная личность изъ всѣхъ встрѣчавшихся мнѣ въ жизни,—говоритъ о Бѣлинскомъ Достоевскій, изумлявшійся въ немъ цѣльности и чистотѣ нравственнаго характера.—«Этотъ всеблаженный человѣкъ, обладавшій такимъ удивительнымъ спокойствіемъ совѣсти, иногда, впрочемъ, очень грустилъ, но грусть эта была особаго рода,—не отъ сомнѣній, не отъ разочарованій, о нѣтъ, а вотъ—почему не сегодня, почему не завтра? Это былъ самый торопившійся человѣкъ въ цѣлой Россіи. Разъ я встрѣтилъ его часа въ три пополудни у Знаменской церкви. Онъ сказалъ мнѣ, что выходилъ гулять и идетъ домой. «Я сюда часто захожу взглянуть, какъ идетъ постройка (вокзала Николаевской желѣзной дороги, тогда еще строившейся). Хоть тѣмъ сердце отведу, что по-

---

*) Молодой литераторъ, умершій въ 1845 или 1846 г., писавшій юмористическіе очерки, въ томъ числѣ сочинившій книжку о преферансѣ, написанную не безъ участія кружка Бѣлинскаго.

стою и посмотрю на работу: наконецъ-то и у насъ будетъ хоть одна желѣзная дорога. Вы не повѣрите, какъ эта мысль облегчаетъ мнѣ иногда сердце».— Это было горячо и хорошо сказано; Бѣлинскій никогда не рисовался».

Настроеніе Бѣлинскаго питалось, однако, чаще такими фактами, въ которыхъ отраднаго было немного. Всегда нервно настроенный, онъ болѣзненно откликался на мимолетныя, казалось бы, мелочи жизни.

«Разъ приходитъ онъ обѣдать къ одному литератору на Страстной недѣлѣ,— вспоминаетъ Герценъ:— Подаютъ постныя блюда. «Давно ли,—спрашиваетъ онъ,— вы сдѣлались такъ богомольны?»— «Мы ѣдимъ,— отвѣчаетъ литераторъ,— постное просто-напросто для людей».— «Для людей?— спросилъ Бѣлинскій и поблѣднѣлъ:— Для людей?—повторилъ онъ и бросилъ свое мѣсто.— Гдѣ ваши люди? Я имъ скажу, что они обмануты, всякій открытый порокъ лучше и человѣчественнѣе этого презрѣнія къ слабому и необразованному, этого лицемѣрія, поддерживающаго невѣжество. И вы думаете, что вы свободные люди? Прощайте. Я не ѣмъ постнаго для поученія, у меня нѣтъ людей».

Эта могучая сила непосредственнаго чувства, «великое сердце» Бѣлинскаго (опредѣленіе г. С. Венерова) какъ-то разъ излилась въ слѣдующихъ строкахъ его письма:

«Что мнѣ въ томъ, что живетъ общее, когда страдаетъ личность?—спрашивалъ Бѣлинскій, отказываясь понять, какъ можно успокаивать себя, напр., соображеніями о мнимомъ процвѣтаніи

общества, въ которомъ несчастны хотя бы нѣкоторые.—Что мнѣ въ томъ, что геній на землѣ живетъ въ небѣ, когда толпа валяется въ грязи? Что мнѣ въ томъ, что *я* понимаю идею, что *мнѣ* открытъ міръ идеи въ искусствѣ, въ религіи, въ исторіи, когда я не могу этимъ дѣлиться со всѣми, кто долженъ быть моими братьями по человѣчеству, моими ближними по Христѣ, но кто—мнѣ чужіе и враги по своему невѣжеству? Что мнѣ въ томъ, что для избранныхъ есть блаженство, когда большая часть и не подозрѣваетъ его возможностей? Прочь же отъ меня блаженство, если оно—достояніе мнѣ одному изъ тысячъ! Не хочу я его, если оно у меня не общее съ меньшими братьями моими! Сердце мое обливается кровью и судорожно содрогается при взглядѣ на толпу и ея представителей. Горе, тяжелое горе овладѣваетъ мною при видѣ и босоногихъ мальчишекъ, играющихъ на улицѣ въ бабки, и оборванныхъ нищихъ, и пьянаго извозчика, и идущаго съ развода солдата, и бѣгущаго съ портфелемъ подъ мышкою чиновника, и довольнаго собою офицера, и гордаго вельможи. Подавши грошъ солдату, я чуть не плачу; подавши грошъ нищей, я бѣгу отъ нея, какъ будто сдѣлавши худое дѣло и какъ будто не желая услышать шелеста собственныхъ шаговъ своихъ. И это жизнь: сидѣть на улицахъ въ лохмотьяхъ, съ идіотскимъ выраженіемъ на лицѣ, набирать днемъ нѣсколько грошей, а вечеромъ пропить ихъ въ кабакѣ—и люди это видятъ, и никому до этого нѣтъ дѣла!.. И это общество, на разумныхъ началахъ существующее, явленіе дѣйствительности! И послѣ этого имѣетъ ли

право человѣкъ забываться въ искусствѣ, въ знаніи?!»

Эта горячая тирада лучше, чѣмъ отзывы постороннихъ, характеризуетъ то «святое недовольство», ту тревожную жажду справедливости въ людскихъ отношеніяхъ, которыми былъ полонъ Бѣлинскій. И въ критической его дѣятельности всюду отразилось это горячее стремленіе къ правдѣ, хотя далеко и не въ такой страстной и рѣзкой формѣ, какъ въ его перепискѣ, гдѣ онъ чувствовалъ меньше стѣсненій.

Но и подъ игомъ цензурныхъ стѣсненій въ каждой написанной имъ страницѣ онъ является чистымъ, восторженнымъ идеалистомъ, и литературу онъ ставилъ всего выше, какъ такую область, въ которой находятъ себѣ откликъ всѣ лучшія движенія человѣческой мысли, въ которой сосредоточено все умственное и нравственное движеніе русскаго общества.

«Какова бы ни была наша литература,—начинаетъ онъ одну изъ своихъ лучшихъ статей,—во всякомъ случаѣ ея значеніе для насъ гораздо важнѣе, нежели какъ можетъ оно казаться; въ ней, въ одной ней вся наша умственная жизнь и вся поэзія нашей жизни. Только въ ея сферѣ перестаемъ мы быть Иванами и Петрами, а становимся просто людьми, обращаемся къ людямъ и съ людьми».

Въ высшей степени воспріимчивый къ художественнымъ впечатлѣніямъ, онъ по отношенію къ явленіямъ литературы, выходящимъ изъ ряда, всегда оставался «неистовымъ Виссаріономъ», потому что они волновали и затрогивали и эстетическое, и нравственное его чувство. Энту-

зіазмъ его къ литературѣ былъ неисчерпаемъ. Мы говорили, какъ относился онъ къ Пушкину. Въ такой же страстный восторгъ приводилъ его и Лермонтовъ. По прочтеніи, напр., «Боярина Орши», Бѣлинскій писалъ пріятелю: «Сейчасъ упился я «Оршею». Есть мѣста убійственно хорошія, а тонъ цѣлаго — страшное, дикое наслажденіе. Мочи нѣтъ, я пьянъ и неистовъ. Такіе стихи охмеляютъ лучше всѣхъ винъ». Читая и перечитывая любимыхъ писателей, Бѣлинскій такъ сживался съ ними, что они становились лично близки и дороги ему. «Я—странный человѣкъ!—писалъ онъ пріятелю вскорѣ послѣ смерти одного изъ лучшихъ своихъ друзей, Н. В. Станкевича:—Смерть Станкевича поразила меня сухо, мертво, но если бы ты зналъ, какъ это сухое страданіе тяжело... Его смерть поразила меня особеннымъ образомъ и—повѣришь ли?—точно такъ же поразила меня смерть Пушкина и Лермонтова. Я считаю ихъ моими потерями, и внутри меня не умолкаетъ дисгармоническій, сухомучительный звукъ, по которому я не могу не знать, что это — мои потери, послѣ которыхъ жизнь много утратила для меня». Такую же почти личную привязанность питалъ онъ и къ Гоголю; высоко ставя художественно-общественное значеніе его произведеній, онъ любилъ и разговоръ и письма пересыпать гоголевскими словечками и цѣлыми фразами: «Я любилъ васъ,—писалъ онъ въ знаменитомъ письмѣ къ Гоголю, по поводу «Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями»:—я любилъ васъ со всею страстью, какъ человѣкъ, кровно связанный со своею страною, можетъ любить ея надежду, честь и славу,

одного изъ великихъ вождей ея на пути сознанія, развитія и прогресса». И страстный тонъ отповѣди Бѣлинскаго Гоголю-публицисту, которому онъ даже въ искренности отказывалъ, въ значительной мѣрѣ и объясняется страстною любовью Бѣлинскаго къ Гоголю-художнику.

Изъ замѣчательныхъ писателей, дѣятельность которыхъ вся прошла на глазахъ Бѣлинскаго, онъ лично былъ близокъ только съ А. В. Кольцовымъ, и Бѣлинскому почти всецѣло обязаны мы тѣмъ, чѣмъ Кольцовъ сталъ въ русской литературѣ. Онъ не только далъ въ печати критическую оцѣнку Кольцова (до сихъ поръ ни въ чемъ не измѣненную), но и всѣмъ личнымъ своимъ вліяніемъ поддерживалъ Кольцова въ избранной имъ поэтической дѣятельности. Онъ много содѣйствовалъ умственному развитію Кольцова, и главное—воспиталъ его художественный вкусъ, удержалъ на почвѣ народной пѣсни, въ чемъ была главная сила таланта Кольцова. И поэтъ-прасолъ платилъ съ своей стороны критику нѣжной любовью и признательностью.

Такою же любовью и признательностью учителю дышатъ всѣ, отчасти цитированные нами, отзывы о Бѣлинскомъ писателей, которые только начинали при немъ свою громкую впослѣдствіи дѣятельность. Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій, Некрасовъ, Григоровичъ и пр. равно узнали, какъ горячо и душевно умѣлъ Бѣлинскій привѣтить и ободрить начинающаго писателя, была бы въ новичкѣ только искра таланта и любви къ литературѣ и—что для Бѣлинскаго было то же самое — сердце, отзывчивое на все человѣческое.

Но эта неистощимая любовь къ литературѣ, любовь, которою Бѣлинскій заражалъ и учениковъ и читателей, дорого ему стоила. По свойствамъ журнальной работы, онъ былъ не только вождемъ въ литературѣ, но и рядовымъ, чернорабочимъ. Не говоря уже о томъ, что его часто томила и болѣзненно раздражала та или иная мысль, которой онъ не могъ высказать, — постоянно ждали очереди не замѣчательныя художественныя произведенія (писать о нихъ было для Бѣлинскаго праздникомъ), а массы текущаго печатнаго матеріала, случайныхъ и плохихъ книгъ, которыя непремѣнно надо было просмотрѣть и что-нибудь да сказать о нихъ, чаще всего то, что читать ихъ не стоитъ. Эта неблагодарная черная работа болѣе всего тяготила Бѣлинскаго и надрывала его силы, уже подточенныя лишеніями молодыхъ годовъ.

«Притѣсняемый денежно литературными подрядчиками, притѣсняемый нравственно цензурой, окруженный въ Петербургѣ людьми мало симпатичными, снѣдаемый болѣзнію, для которой балтійскій климатъ былъ убійственень, Бѣлинскій становился раздражительнѣе и раздражительнѣе,—вспоминаетъ Герценъ.—Онъ чуждался постороннихъ, былъ до дикости застѣнчивъ и иногда цѣлыя недѣли проводилъ въ мрачномъ бездѣйствіи. Тутъ редакція посылала записку за запиской, требуя оригинала, и закабаленный литераторъ со скрежетомъ зубовъ брался за перо и писалъ тѣ ядовитыя статьи, трепещущія отъ негодованія, тѣ обвинительные акты, которые такъ поражали читателей.

«Часто, выбившись изъ силъ, приходилъ онъ отдыхать къ намъ; лежа на полу съ двухлѣтнимъ ребенкомъ, онъ игралъ съ нимъ цѣлые часы. Пока мы были втроемъ, дѣло шло какъ нельзя лучше, но при звукѣ колокольчика судорожная гримаса пробѣгала по лицу его, и онъ безпокойно оглядывался и искалъ шляпу; потомъ оставался по славянской слабости. Тутъ одно замѣчаніе, сказанное не по немъ, приводило къ самымъ оригинальнымъ сценамъ и спорамъ»...

«Одинъ разъ,—говоритъ Панаевъ,— я засталъ Бѣлинскаго ходящимъ по комнатѣ въ волненіи и съ усиліемъ махающимъ правою рукою. «Что это съ вами?» спросилъ я его. «Рука отекла отъ писанья... Я часовъ восемь сряду писалъ, не вставая. Говорятъ, я самъ виноватъ, потому что откладываю писанье свое до послѣднихъ дней мѣсяца. Можетъ-быть, это отчасти и правда, но взгляните, Бога ради, сколько книгъ мнѣ присылаютъ... и какія еще книги—посмотрите: азбуки, грамматики, сонники, гадальныя книжонки! И я долженъ непремѣнно хоть по нѣсколько словъ написать о каждой изъ этихъ книжонокъ!»

Это сознаніе, что силы расходуются на пустяки, порою страшно тяготило Бѣлинскаго. «Я — Прометей въ карикатурѣ, — жалуется онъ въ одномъ изъ писемъ «Отеч. Записки», — моя скала, Краевскій*)—мой коршунъ. Мозгъ мой сохнетъ, способности тупѣютъ». Не было времени заниматься подробнымъ обдумываніемъ и отдѣлкою статей. Лучшія изъ нихъ — импрови-

*) Издатель „Отеч. Записокъ“.

зацiи, писанныя почтi безъ помарокъ, наканунѣ печатанiя, въ пылу вдохновенiя, хотя оно и вызывалось часто привычкой и необходимостью.

«Надобно было взглянуть на Бѣлинскаго въ тѣ минуты, когда онъ писалъ что-нибудь, въ чемъ принималъ живое, горячее участiе,—разсказываетъ Панаевъ.—Лицо и глаза его горѣли, перо съ необыкновенною быстротою бѣгало по бумагѣ, онъ тяжело дышалъ и безпрестанно отбрасывалъ въ сторону исписанный полулистъ... Сколько разъ заставалъ я его въ такiя минуты и смотрѣлъ на него, не замѣчаемый имъ; если же онъ оборачивался и взглядывалъ на меня прежде, нежели я уходилъ, онъ безъ церемонiи говорилъ мнѣ: «Извините меня, Панаевъ... Видите, я занятъ». Онъ откладывалъ на минуту перо и прикладывалъ руку къ головѣ. Я какъ теперь вижу его въ этомъ положенiи».

Но Бѣлинскiй самъ хорошо понималъ, какъ много теряютъ его статьи отъ недостатка обработки. «Я вамъ прочту иную живую и горячую, но съ плеча написанную статью мою,— писалъ онъ однажды пріятелю,—она вамъ понравится, можетъ-быть, приведетъ васъ въ восторгъ. Но дайте мнѣ время обработать эту импровизацiю— вы не узнаете ея: живость и теплота въ ней останутся, а силы, ума и таланта прибавится на двадцать процентовъ... Знаете ли, какiя лучшiя мои статьи? Вы ихъ не знаете. Это—тѣ, которыя не только не напечатаны, а никогда не были и написаны, и которыя я слагалъ въ головѣ моей во время поѣздокъ, гуляній,— словомъ, въ нерабочее мое время, когда ничто извнѣ не пону-

ждало меня приняться за работу. Боже мой! сколько яркихъ неожиданныхъ мыслей, сколько страницъ живыхъ, страстныхъ, огненныхъ! И многое, что особенно хорошо въ моихъ печатныхъ статьяхъ, большею частью удержанные въ памяти и ослабленные урывки изъ этихъ на свободѣ слагавшихся въ праздной головѣ статей».

Непрерывная срочная журнальная работа и вскорѣ преждевременная смерть не дали Бѣлинскому возможности осуществить рядъ плановъ цѣльныхъ и связныхъ статей, напр., о Лермонтовѣ и Гоголѣ. Только наброски остались отъ задуманной имъ «критической исторіи русской литературы» съ древнѣйшихъ временъ. Итакъ, внѣшнія условія, срочность работы, разбросанность, — все это дружно неблагопріятствовало полнотѣ и систематичности того, что говорилъ Бѣлинскій въ печати. Но какъ ни тяжела была ему порою литературная дорога, другой предъ Бѣлинскимъ не было, и въ минуту тяжелаго раздумья у него вырвались пророческія слова:

«Умру на журналѣ и въ гробъ велю положить подъ голову книжку «Отеч. Зап.». Я — литераторъ, говорю это съ болѣзненнымъ и вмѣстѣ радостнымъ и гордымъ убѣжденіемъ. Литературѣ расейской моя жизнь и моя кровь».

III.

Литературно-общественное значеніе дѣятельности Бѣлинскаго настолько широко, что о многихъ сторонахъ ея, наприм., о взглядахъ критика на воспитаніе, на положеніе женщины въ

русскомъ обществѣ, на театръ и т. д. приходится почти не упоминать, чтобы въ предѣлахъ настоящаго очерка остановиться только на главномъ.

Новую русскую литературу принято вести со временъ Кантемира и Ломоносова. Такъ называемое ложно-классическое направленіе въ литературѣ было долго господствующимъ, и понятія о критикѣ сообразовались съ господствующими представленіями о цѣляхъ художественнаго творчества. Извѣстно, что существенными элементами начальной нашей художественной литературы были три ломоносовскихъ штиля, высокій, средній и низкій или «подлый»,—искусственное раздѣленіе поэзіи на роды и виды, три единства въ драмѣ (времени, мѣста и дѣйствія), «изученіе правилъ и подражаніе знатныхъ авторовъ», по выраженію Ломоносова. Соотвѣтственно этому критическія статьи этой эпохи представляютъ собою сужденія мелочного и чисто внѣшняго характера, преимущественно о «штилѣ», о грамматической правильности выраженій, съ прибавленіемъ голословныхъ замѣчаній, что такое-то мѣсто у разбираемаго автора «скаредно», то — «преизящно», а это — «подло и гнусно».

Долгое время содержаніе критики составлялъ споръ «о старомъ и новомъ слогѣ», и только Карамзинъ, которому принадлежитъ заслуга преобразованія литературнаго языка, положилъ конецъ этому спору, такъ что въ началѣ XIX вѣка высокаго «штиля» склонны были держаться лишь немногіе защитники старины въ родѣ Шишкова, вдававшагося въ извѣстные анекдоти-

ческіе пуризмы. Съ преобразованіемъ языка.шло и преобразованіе формы литературныхъ произведеній, все болѣе уклонявшейся отъ «образцовъ». Въ нее вливалось болѣе и болѣе новое содержаніе, литература сближалась съ жизнью. Карамзинъ, Мерзляковъ, Батюшковъ и Жуковскій, представители сентиментализма и смѣнившаго его романтизма, уже далеко отошли отъ стараго классицизма. Соотвѣтственно этому и критика приближается къ выраженію взглядовъ, болѣе близкихъ къ современнымъ. Мерзляковъ, Веневитиновъ и затѣмъ ближайшіе предшественники Бѣлинскаго, Полевой и Надеждинъ, вносятъ въ область критики новыя начала. Требованія цѣльной художественной теоріи (еще ложноклассической у Мерзлякова); философско-эстетическія начала, требованія національности и самобытности въ литературныхъ произведеніяхъ, заявленныя Веневитиновымъ; наконецъ болѣе или менѣе отчетливыя представленія объ общественно-воспитательномъ и историческомъ значеніи литературы, какъ высшемъ выраженіи духовной дѣятельности народа,—представленія, тамъ и сямъ высказываемыя Полевымъ, теоретикомъ романтизма во вкусѣ Виктора Гюго и первыхъ поэмъ Пушкина, и Надеждинымъ, уже заявлявшимъ о необходимости художественнаго реализма (основной тезисъ его диссертаціи: ubi vita, ibi poesis — гдѣ жизнь, тамъ и поэзія),—всѣ эти взгляды были усвоены Бѣлинскимъ, но переработаны, и высказаны въ цѣломъ рядѣ его статей въ болѣе опредѣленной и законченной формѣ; они дали критикѣ его то весьма широкое значеніе въ разныхъ отношеніяхъ, которое оправды-

вастъ сближеніе Бѣлинскаго съ преобразователемъ нѣмецкой литературы, Лессингомъ.

Существеннѣйшимъ недостаткомъ критики ближайшихъ названныхъ предшественниковъ Бѣлинскаго было, конечно, то, что художественные вкусы ихъ воспитаны были въ такое время, когда литература наша дѣлала еще первые неувѣренные шаги на пути своего самостоятельнаго развитія. Въ литературныхъ взглядахъ Полевого и Надеждина было еще много отголосковъ стараго. Полевой былъ въ своей шумной защитѣ французскаго романтизма, во вкусѣ Виктора Гюго, большой руки формалистомъ: эта защита была лишь формальнымъ протестомъ противъ стараго формализма, представленнаго ложно-классическою теоріей съ ея произвольными и стѣснительными правилами. Вкусъ Полевого и Надеждина, образовавшійся въ то время, когда новыя теченія литературы еще не выяснились, не могъ оцѣнить по достоинству тѣхъ художественныхъ произведеній, которыя были даны, въ пору большого вліянія этихъ критиковъ, Пушкинымъ и Гоголемъ. На примѣрѣ Полевого и Надеждина съ одной стороны и Бѣлинскаго—съ другой, видно также, что если, по латинской поговоркѣ, oratores fiunt, poetae nascuntur, то родятся не одни поэты, но и критики. Ни обширная и глубокая эрудиція Надеждина, ни любовь къ литературѣ, ни остроуміе, ни спеціальный талантъ журналиста, чуткаго до злобъ дня, какимъ обладалъ Полевой, не предохранили ихъ отъ самыхъ странныхъ, на современный взглядъ, ошибокъ въ оцѣнкѣ лучшихъ нашихъ писателей.

Еще грубѣе были ошибки и сужденія второстепенныхъ тогдашнихъ журналистовъ, напр., Шевырева, съ которымъ много полемизировалъ Бѣлинскій, какъ и съ представителями самой поверхностной и грубоватой части тогдашней журналистики, съ Булгаринымъ съ его «Сѣверною Пчелою» и Сенковскимъ *) съ «Библіотекою для чтенія». Въ сочиненіяхъ Бѣлинскаго читатель сколько угодно можетъ подыскать образцовъ грубыхъ ошибокъ, промаховъ, прямыхъ нелѣпостей, которыя приходилось устранять критику. Для примѣра ихъ укажемъ только, что сплошь и рядомъ въ геніи, до которыхъ далеко Пушкину, Гоголю, Лермонтову и Грибоѣдову, возводились этою «расейскою» литературою, какъ ее назвалъ Бѣлинскій, давно теперь забытые Бенедиктовъ, Марлинскій, Кукольникъ, Загоскинъ. До чего доходило непониманіе истиннаго значенія нарождавшейся тогда литературы, можно судить еще и по тому, напр., что даже Пушкинскій чудный по своей легкости стихъ и языкъ, близкій къ разговорной рѣчи, не находилъ достаточнаго признанія. Уже во время «Онѣгина», этого неподражаемаго образца гармоничнаго, плавнаго и легкаго стиха, профессоръ русской словесности Шевыревъ мечталъ о реформѣ русской поэзіи посредствомъ своего перевода Тасса, который (переводъ) достоинъ былъ «Телемахиды» Тредьяковскаго **).

---

*) Сенковскій писалъ подъ псевдонимомъ „Баронъ Брамбеусъ“, постоянно появляющимся во многихъ статьяхъ Бѣлинскаго.

**) Шевыревъ, между прочимъ, вообразилъ, что *можетъ* быть такая же русская октава, какъ итальянская, что въ русскомъ стихѣ слѣдуетъ производить такія же сліянія гласныхъ (въ словѣ, кончающемся гласною, и въ слѣдующемъ словѣ, начинающемся съ гласной),

Нечего и говорить, что, при возможности такихъ взглядовъ даже на форму въ литературѣ, во взглядахъ на содержаніе мы встрѣчаемъ еще болѣе странностей. Что Гоголь—писатель грязный и неприличный, что произведенія его—ничтожныя «побасенки»—это было, напр., еще одною изъ самыхъ обыкновенныхъ пошлостей, которыя провозглашались какъ неоспоримыя литературныя истины.

Устранить навсегда весь этотъ хаосъ ложныхъ и нелѣпыхъ представленій, унаслѣдованныхъ отъ временъ ложно-классицизма, романтизма и сентиментализма и выражавшихъ собою полное отсутствіе въ обществѣ здравыхъ эстетическихъ понятій и дѣйствительныхъ умственныхъ интересовъ,—вотъ что составляло одну изъ первыхъ немаловажныхъ заслугъ Бѣлинскаго.

Въ этой борьбѣ со старыми литературными предразсудками и укоренившимися ложными представленіями Бѣлинскій шелъ по тому пути, на который указывала историческая необходимость. Онъ вѣрно угадалъ потребности времени, стоялъ на строго-исторической почвѣ. Онъ настой-

---

какъ въ итальянскомъ: нововведеніе, которое прискорбнымъ образомъ свидѣтельствовало объ его пониманіи языка и его вкусѣ. Вотъ одна изъ октавъ, которыми Шевыревъ намѣренъ былъ произвести реформу въ русской поэзіи:

Тамъ копіе хранилось, коимъ змѣй
Былъ прободенъ, и молнійныя стрѣлы,
Незримо язвы, тысячи смертей
Метающія на народы цѣлы;
Тамъ былъ повѣшенъ и трезубецъ,—сей
Первый угрозъ на всѣ земли предѣлы,
Когда ея основы потрясаются
Обширныя,—и грады расшатаются...

Подчеркнутые слоги, по Шевыреву, должны слиться въ одинъ слогъ!

чиво и часто возвращался къ историческому обзору русской литературы; такимъ обзоромъ въ «Литературныхъ мечтаніяхъ» онъ и началъ свою критическую дѣятельность. Эта установленная имъ окончательно въ русской критикѣ историческая точка зрѣнія была также не малымъ пріобрѣтеніемъ для русской литературы. Только такъ и можно было установить всестороннее значеніе Пушкина, Грибоѣдова, Гоголя, Лермонтова, какъ писателей, которые стоятъ на высотѣ историческаго развитія общества и литературы, и которымъ, какъ угадалъ въ свое время одинъ Бѣлинскій, принадлежитъ все будущее. И Бѣлинскій навсегда связалъ свое имя съ именами Пушкина, Грибоѣдова, Гоголя, Лермонтова. По прекрасному выраженію Аполлона Григорьева, «имя Бѣлинскаго, какъ плющъ, обросло четыре поэтическихъ вѣнца, четыре великихъ и славныхъ имени, сплелось такъ, что, говоря о нихъ, какъ источникахъ современнаго литературнаго движенія, постоянно бываешь поставленъ въ необходимость говорить и о немъ. Высокій удѣлъ, данный судьбою немногимъ изъ критиковъ, едва ли даже, за исключеніемъ Лессинга, данный не ему одному».

Историческое пониманіе задачъ общественнаго развитія литературы совмѣстно съ художественнымъ чутьемъ всегда выводили Бѣлинскаго на вѣрную дорогу въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ впадалъ, подъ вліяніемъ той или другой поразившей его идеи, въ крайности и противорѣчія самому себѣ. Какъ на примѣры такихъ противорѣчій, можно указать на различія во

взглядахъ Бѣлинскаго на Пушкина, высказанныхъ въ «Литер. мечтаніяхъ» и отдѣльныхъ статьяхъ, или на Грибоѣдова, высказанныхъ также въ «Литер. мечтаніяхъ» и въ отдѣльной статьѣ о «Горѣ отъ ума». Но замѣчательно, что, даже впадая въ эти противорѣчія, Бѣлинскій никогда не впадалъ въ такія ошибки при оцѣнкѣ русскихъ писателей, которыя свидѣтельствовали бы, что бездарность онъ принялъ за талантъ или наоборотъ.

Тѣмъ не менѣе, необходимо въ существенныхъ чертахъ напомнить важнѣйшія измѣненія общихъ взглядовъ Бѣлинскаго, обусловливавшія и измѣненія нѣкоторыхъ взглядовъ на тѣ или иныя литературныя произведенія.

«Литературныя мечтанія» относятся къ тому періоду развитія Бѣлинскаго, когда онъ, какъ это уже выяснено его біографами, впервые погружаясь въ изученіе философіи Гегеля, былъ полонъ еще идеалистическихъ порывовъ къ личному только нравственному совершенствованію. Философія открывала ему цѣлый міръ мысли, высокихъ духовныхъ наслажденій и указывала путь жизни. «Весь безпредѣльный прекрасный Божій міръ есть не что иное, какъ дыханіе единой вѣчной идеи (мысли—единаго вѣчнаго Бога), проявляющейся въ безконечныхъ формахъ, какъ великое зрѣлище абсолютнаго единства въ безконечномъ разнообразіи». «Богъ создалъ человѣка и далъ ему умъ и чувство, да постигаетъ сію идею умомъ и знаніемъ, да пріобщается къ ея жизни въ живомъ и горячемъ сочувствіи, да раздѣляетъ ея жизнь въ чувствѣ безконечной зиждущей любви!» Въ это время созерцатель-

ность такого взгляда не вполнѣ еще овладѣла Бѣлинскимъ. Онъ заявляетъ, что «жизнь есть дѣйствованіе, и дѣйствованіе есть борьба», что «безъ борьбы нѣтъ заслуги, безъ заслуги нѣтъ награды, а безъ дѣйствованія—жизни». Предъ человѣкомъ лежатъ двѣ дороги, любую изъ которыхъ онъ можетъ выбрать,—спокойный и торный путь эгоизма и тернистый путь любви, который и приведетъ человѣка къ блаженству постиженія идеи. Тѣ же пути и предъ писателемъ. «Сочувствуй природѣ, люби и изучай ее, твори безкорыстно, трудись безвозмездно, отверзай души ближнихъ для впечатлѣній благого и истиннаго, изобличай порокъ и невѣжество, терпи гоненія злыхъ, ѣшь хлѣбъ, смоченный слезами, и не своди задумчиваго взора съ прекраснаго родного тебѣ неба. Трудно? Тяжко?.. Ну, такъ торгуй твоимъ божественнымъ даромъ, положи цѣну на каждое вѣщее слово, которое ниспосылаетъ тебѣ Богъ въ святыя минуты вдохновенія; покупщики найдутся, будутъ платить тебѣ щедро, а ты лишь умѣй кадить кадиломъ лести, умѣй склонять во прахъ твое вѣнчанное чело, забудь о славѣ, о безсмертіи, о потомствѣ, довольствуйся тѣмъ, если услужливая рука торгаша-журналиста провозгласитъ тебѣ, что ты великій поэтъ, геній, Байронъ, Гёте».

Эти пламенныя строки являются отголоскомъ и тѣхъ горячихъ тирадъ, которыми полна была неудачная трагедія Бѣлинскаго. При всемъ благородствѣ выраженныхъ здѣсь стремленій ясна нѣкоторая отвлеченность и односторонность исключительно моральной точкой зрѣнія, на ко-

торой стоялъ еще въ эту пору критикъ. Любимый его писатель — Шиллеръ, «Разбойникамъ» котораго онъ и подражалъ въ своей трагедіи. Въ Пушкинѣ онъ, подобно Полевому, съ особенною любовью относится къ первой половинѣ его дѣятельности, привлекаемый романтическими порывами поэта, его вылазками противъ политическаго гнета и гимнами свободѣ.

На короткое время онъ, затѣмъ, усваиваетъ своеобразное міровоззрѣніе, въ которомъ главною чертою стало пассивное созерцаніе, весьма мало соотвѣтствовавшее дѣятельной натурѣ Бѣлинскаго.

Философія Гегеля справедливо указывала на всеобщую связь, причинность и зависимость явленій, но изображала ихъ детерминизмъ въ видѣ безусловно неизмѣннаго процесса развитія по законамъ діалектики (логики), по схемѣ тезиса, антитезиса и синтезиса. Разумной личности остается только созерцать этотъ процессъ развитія, въ которомъ «все благо, все добро», потому что предначертано закономъ развитія, потому что «дѣйствительность — разумна», и надо только постичь эту разумность, скрытую въ смутномъ ходѣ явленій. Поэзія, если она только дѣйствительна, раскрываетъ эту разумность дѣйствительности, пріобщаетъ насъ къ созерцанію вѣчно развивающейся идеи. Согласно этому, поэзія должна быть, безусловно, объективна, полна разумнаго созерцанія, а не прекраснодушныхъ порывовъ и поверхностныхъ сужденій о добрѣ и злѣ. Съ этой точки зрѣнія, для Бѣлинскаго высшимъ образцомъ художника является уже не Шиллеръ, а «олимпіецъ» Гёте. Въ Пуш-

кинѣ онъ переноситъ свою симпатію на болѣе объективныя его произведенія, осуждая либерально-романтическія мечтанія поэта. Теперь Бѣлинскій значительно охладѣваетъ къ «Горю отъ ума» и осуждаетъ Чацкаго, какъ поверхностнаго фразера съ неразумными порывами прекраснодушнаго, но дѣтскаго негодованія на явленія дѣйствительности. Зато онъ превозноситъ теперь Гоголя, какъ высоко объективнаго художника, уразумѣвшаго пустоту и ничтожество той призрачной дѣйствительности, въ которой вращаются его ничтожные герои, не могущіе подняться до разумной идеи и дѣйствительности.

Въ концѣ-концовъ взгляды Бѣлинскаго за этотъ періодъ представлялись довольно спутанными, главнымъ образомъ, относительно вопроса: что же слѣдуетъ считать за разумную дѣйствительность и что въ жизни вообще и русскаго народа и общества въ частности представляетъ собою дѣйствительность лишь призрачную? Высоко ставя Гоголя, Бѣлинскій точно не замѣчалъ, что гоголевскіе типы и картины не только не призрачны, но стоятъ въ тѣснѣйшей зависимости отъ политическаго рабства, отъ всего общественнаго быта, и въ особенности отъ крѣпостного права. Весь общественный бытъ, жизнь народа въ его цѣломъ представлялись ему непосредственнымъ выраженіемъ разумной дѣйствительности, противъ котораго смѣшно и говорить что бы то ни было во имя личныхъ нашихъ мнѣній и пожеланій; это—прекраснодушіе, не имѣющее права на существованіе.

«Бѣлинскій, самая дѣятельная, порывистая, діалектически страстная натура бойца, проповѣдывалъ тогда, — пишетъ про этотъ періодъ развитія критика Герценъ, — индѣйскій покой созерцанія и теоретическое изученіе вмѣсто борьбы. Онъ вѣровалъ въ это воззрѣніе и не блѣднѣлъ ни передъ какимъ послѣдствіемъ, не останавливался ни передъ моральнымъ приличіемъ ни передъ мнѣніемъ другихъ, котораго такъ страшатся люди слабые и несамобытные; въ немъ не было робости, потому что онъ былъ силенъ и искрененъ; его совѣсть была чиста.

— Знаете ли, что съ вашей точки зрѣнія,— сказалъ я ему, думая поразить его моимъ революціоннымъ ультиматумомъ, — вы можете доказать, что самодержавіе, подъ которымъ мы живемъ, разумно.

«Безъ всякаго сомнѣнія, — отвѣчалъ Бѣлинскій, и прочелъ мнѣ «Бородинскую годовщину» Пушкина».

Но очень скоро живое нравственное чувство, «великое сердце» выводитъ писателя на болѣе правильный путь.

Скоро онъ самъ возстаетъ противъ приниженія правъ и нравственныхъ запросовъ личности, для которой отводилось только второстепенное мѣсто созерцателя всеобщей гармоніи и разумной дѣйствительности. Бѣлинскій отрѣшается отъ крайняго оптимизма по отношенію къ тогдашней русской жизни, и особенно офиціальныхъ началъ православія, самодержавія и народности. Оптимизмъ этотъ сказался наиболѣе въ двухъ его статьяхъ о «Бородинской годовщинѣ». Объ нихъ онъ и вспомнить позднѣе не

можетъ безъ негодованія на самого себя и на того, кто неосторожно напоминалъ ему о нихъ. Судьба личности становится для Бѣлинскаго, по выраженію его въ письмѣ къ другу (отъ 1 марта 1841 г.), «важнѣе судебъ всего міра». «Я не хочу счастія и даромъ, если не буду спокоенъ насчетъ каждаго изъ моихъ братій по крови... Говорятъ, что дисгармонія есть условіе гармоніи; можетъ-быть, это очень выгодно и усладительно для меломановъ, но ужъ, конечно, не для тѣхъ, которымъ суждено выразить своею участью идею дисгармоніи».

Новые взгляды Бѣлинскаго сложились окончательно въ началѣ сороковыхъ годовъ. Сильно увлекъ его тогда же Фейербахъ съ его реалистическими объясненіями «Сущности христіанства». Мимолетный консерватизмъ исчезаетъ. Съ этого же времени начинается наибольшее вліяніе Бѣлинскаго на читателей.

Горячее нравственное одушевленіе, которымъ полны были «Литературныя мечтанія», онъ сохранилъ до конца. Кое-что весьма существенное было имъ вынесено и изъ второго оптимистическаго періода развитія ея взглядовъ. Ограничивъ крайности мысли, что предъ исторической жизнью народа въ ея цѣломъ можно только благоговѣйно преклоняться, какъ предъ выраженіемъ высшей правды на землѣ, Бѣлинскій глубже прежняго понялъ и оцѣнилъ значеніе историческихъ условій общественной и народной жизни. Согласно раннимъ представленіямъ Бѣлинскаго, личность можетъ выбирать путь любви или эгоизма, но ни тотъ ни другой путь не представлялся критику въ ясной зави-

симости отъ историческихъ условій даннаго времени и мѣста. Теперь Бѣлинскій—свободный мыслитель въ области религіозныхъ началъ, ученикъ Фейербаха, и отнынѣ предъ нимъ постоянно въ виду не отвлеченное представленіе о личности, а живой конкретный человѣкъ, стоящій въ тѣхъ или иныхъ общественныхъ исторически-развившихся условіяхъ. Точно такъ же и всякій дѣятель и писатель въ томъ числѣ, по окончательно сложившемуся мнѣнію Бѣлинскаго, долженъ быть не чуждъ всего человѣческаго, имѣть сердце, открытое каждому движенію другого человѣческаго сердца, но дѣло не въ одномъ «эгоизмѣ» или «любви», надо вмѣстѣ съ тѣмъ стоять на всей высотѣ умственнаго развитія своего времени, правильно чувствовать, оцѣнивать и понимать исторически назрѣвшія потребности и нужды своего народа, потому что иначе дѣятельность человѣка будетъ внѣ народныхъ или какихъ бы то ни было серьезныхъ реальныхъ потребностей. Бѣлинскій возвращается къ прежнему положенію: «жизнь есть дѣйствованіе, а дѣйствованіе — борьба», но дѣйствованіе и борьба должны быть направляемы уже не противъ неопредѣленнаго «эгоизма», а противъ реальныхъ и устранимыхъ недостатковъ въ воззрѣніяхъ людей и въ учрежденіяхъ, соотвѣтственно назрѣвшимъ народнымъ нуждамъ. Отсюда и полное отрицаніе русскихъ общественно-политическихъ условій, политическаго и крѣпостного рабства, въ которомъ задыхалась Россія, и проч.

По мѣрѣ расширенія взглядовъ Бѣлинскаго на значеніе личности и исторически данныхъ

условій жизни, понятіе о «народности», вызывавшее въ тѣ годы много пререканій и споровъ, углублялось и занимало въ воззрѣніяхъ критика опредѣленное мѣсто.

Понятія «народнаго» и общечеловѣческаго казались, на поверхностный взглядъ, противорѣчащими. Подъ именемъ «народности» многіе защищали и превозносили всѣ тѣ черты народно-общественной русской жизни, которыя ее отличали отъ Западной Европы; за послѣдней же не признавали уже и права на существованіе, и проф. Шевыревъ въ 1841 году печатно заявилъ, что Западъ гніетъ заживо. Даже крѣпостное право, подъ видомъ патріархальныхъ отношеній помѣщика къ крестьянамъ, какъ отца къ дѣтямъ, идеализировалось и рисовалось неотъемлемою чертою народности. Министръ Народ. Просв. Уваровъ, какъ извѣстно, признавалъ это право такою же законною и неизбѣжною особенностью Россіи, какъ и самодержавіе. Наивное самохвальство всѣмъ русскимъ только потому, что оно русское, безъ различія — хорошо ли оно или дурно — тогда же получило отъ князя Вяземскаго ѣдкое прозвище «квасного патріотизма». Во имя его произведеніе признавалось «народнымъ», если только въ немъ фигурировали простонародный говоръ, широта русской натуры, чисто внѣшніе аксессуары народнаго быта да громкія фразы о любви къ родинѣ. Бѣлинскому много пришлось бороться съ литературными грубыми поддѣлками подъ народность, вѣрнѣе простонародность, которыя сочинялись по большей части людьми, вовсе не интересовавшимися народною жизнью и наблю-

давшими ее развѣ только съ внѣшней стороны. Въ этомъ отношеніи нельзя не признать за нимъ немаловажной заслуги: преслѣдуя лживыя поддѣлки подъ народность, онъ подготовилъ русскихъ читателей къ воспринятію болѣе правдиваго освѣщенія русской народной жизни, которое дали вскорѣ Тургеневъ, Григоровичъ, Некрасовъ и др.

Помимо борьбы съ официальною «народностью» и «квасным патріотизмомъ», Бѣлинскій не мало полемизировалъ и со славянофильскимъ пониманіемъ «народности». Славянофилы К. Аксаковъ, братья И. и П. Кирѣевскіе, А. Хомяковъ видѣли черты истинной народности въ прошломъ и идеализировали его какъ святыню, поруганную Петромъ Великимъ, и нерѣдко сходились въ своемъ рѣзкомъ отрицаніи всего западноевропейскаго, какъ непригоднаго для русской жизни, съ болѣе грубыми защитниками народности, во что бы то ни стало. Бѣлинскій былъ убѣжденнымъ «западникомъ», какъ тогда выражались. Въ дѣйствительности онъ, конечно, былъ чуждъ преклоненія предо всѣмъ заграничнымъ только потому, что оно не русское; но свое русское, народное, національное не могло заслонить для него общечеловѣческаго, сокровищъ умственнаго превосходства и просвѣщенія, накопленныхъ Западомъ. «Какъ вы, — писалъ Бѣлинскій однажды Кавелину, — я люблю русскаго человѣка и вѣрю великой будущности Россіи; но, какъ и вы, я ничего не строю на основаніи этой любви и этой вѣры, не употребляю ихъ, какъ неопровержимыя доказательства». По мысли Бѣлинскаго, національное и

общечеловѣческое сами по себѣ вовсе не противорѣчатъ другъ другу и одно безъ другого даже немыслимо. Что отдѣльная личность по отношенію къ идеѣ человѣка, то же и народность по отношенію къ идеѣ человѣчества. Какъ Иванъ, Петръ, Сидоръ, оставаясь людьми, въ то же время обладаютъ каждый ему одному свойственными особенностями и чертами, безъ которыхъ не были бы живыми личностями, такъ и отдѣльные народы, принадлежа въ общей семьѣ человѣчества, обладаютъ каждый ему одному свойственнымъ самостоятельнымъ обликомъ, если только это народъ живой, играющій роль въ человѣчествѣ.

Точно такъ же и поэзія и литература какого-либо народа народны, обладаютъ естественно оригинальными и самобытными чертами, если они, дѣйствительно, литература, отраженіе всей жизни народа въ сознаніи его лучшей и образованнѣйшей части, а не подражаніе, не сколокъ съ литературы чужого или чужихъ народовъ. Съ этой точки зрѣнія и Бѣлинскій требовалъ «народности» въ литературѣ. Онъ требовалъ самостоятельности ея и боролся съ готовыми формальными литературными теоріями, въ родѣ классицизма, романтизма и официальной народности, кто бы эти теоріи ни навязывалъ писателямъ. Онъ указывалъ, что литература тогда только станетъ на ноги, когда отрѣшится отъ всѣхъ устарѣлыхъ традицій и отдастся вольному и внимательному наблюденію и изученію всей безконечно обширной жизни русскаго народа и общества.

Въ этой борьбѣ за самобытность русской литературы, не исключающую и общечеловѣ-

ческаго, но съ нимъ сливающуюся, Бѣлинскій умѣлъ быть краснорѣчивъ и неистощимъ, и, конечно, его страстная любовь именно къ *русской* литературѣ, горячее желаніе видѣть *всю русскую* жизнь изображенною въ художественныхъ произведеніяхъ, глубокое сознаніе, что для этого необходимъ еще небывалый подъемъ духовной дѣятельности общества и неустанная работа для распространенія такого сознанія и для этого подъема, — все это даетъ Бѣлинскому больше правъ на званіе «патріота», чѣмъ имѣли ихъ десятки его литературныхъ противниковъ, упрекавшихъ его въ «западничествѣ», въ отступничествѣ отъ всего русскаго. Да и по отношенію къ Пушкину и Гоголю важно не только то, что Бѣлинскій призналъ ихъ геніями, когда этого не подозрѣвали современники, но и то, что онъ призналъ ихъ поэтами *національными*. И лично онъ не только страстно привязанъ былъ къ ихъ произведеніямъ, но готовъ былъ гордиться ими, какъ національными поэтами.

Въ связи съ этою мыслью о томъ, что литература должна быть оригинальна, свободна и самостоятельна, стояло и то отрицаніе самаго существованія у насъ литературы, съ котораго Бѣлинскій началъ свою дѣятельность. Но послѣднія произведенія Пушкина, вся дѣятельность Гоголя и Лермонтова проходили на глазахъ Бѣлинскаго. Очень скоро онъ къ полному отрицанію у насъ литературы добавляетъ многозначительныя оговорки (впрочемъ, и самое то отрицаніе довольно условно: въ устахъ Бѣлинскаго оно значило только то, что полнаго

удовлетворенія идеалу литературы словесность наша не давала).

Заканчивая обозрѣніе русской литературы за 1840 годъ, Бѣлинскій написалъ уже, глядя въ будущее съ такою же увѣренностью, какъ и въ 1835 году, слѣдующія строки:

«Прошедшее нашей литературы не блестяще, настоящее тускло, но за будущее намъ нисколько не должно отчаиваться. У насъ нѣтъ литературы въ точномъ и опредѣленномъ значеніи этого слова, но у насъ есть уже начало литературы и, соображаясь со средствами, особенно же со временемъ, нельзя не дивиться, какъ уже много сдѣлано. Какихъ-нибудь сто лѣтъ едва прошло съ того времени, какъ мы не знали еще грамоты, и вотъ мы уже по справедливости гордимся могущественными проявленіями необъятной силы народнаго духа въ отдѣльныхъ лицахъ, каковы: Ломоносовъ, Державинъ, Фонъ-Визинъ, Карамзинъ, Крыловъ, Жуковскій, Батюшковъ, Пушкинъ, Грибоѣдовъ и другіе. Нападая на нашу литературу, мы хотѣли только противоборствовать смѣшному самообольщенію, которое въ немногомъ видитъ безконечно многое и добродушно вѣритъ, что русская литература превосходитъ и англійскую, и нѣмецкую, и французскую; мы хотѣли показать дѣло въ настоящемъ положеніи, не скрывая ни хорошихъ ни дурныхъ его сторонъ, хотѣли разсмотрѣть безпристрастно вопросъ о существованіи русской литературы, не утаивая ни того, что можно сказать противъ него, ни того, что можно сказать за него. Повторяемъ: у насъ нѣтъ еще литературы, какъ выраженія духа и жизни

народной, но она уже начинается, а это въ такой короткій періодъ времени — успѣхъ, и успѣхъ великій, который не долженъ обольщать насъ въ настоящемъ, но который долженъ казаться залогомъ великихъ надеждъ въ будущемъ. Если сила и мощь отдѣльно дѣйствующихъ лицъ въ нашей литературѣ поражаютъ васъ невольнымъ удивленіемъ, то чѣмъ же должна быть наша литература, когда она сдѣлается выраженіемъ національнаго духа и національной жизни?.. И мы уже видимъ начало этого желаннаго времени... Да будетъ!»

Въ первой изъ своихъ большихъ статей о Пушкинѣ, въ 1843 году, когда уже появились «Мертвыя души», Бѣлинскій болѣе не отрицаетъ существованія литературы и говоритъ только: «Писать о Пушкинѣ — значитъ писать о цѣлой русской литературѣ, ибо, какъ прежніе писатели русскіе объясняютъ Пушкина, такъ Пушкинъ объясняетъ послѣдовавшихъ за нимъ писателей. Эта мысль сколько истинна, столько и утѣшительна: она показываетъ, что, несмотря на бѣдность нашей литературы, въ ней есть жизненное движеніе и органическое развитіе, слѣдственно, у нея есть исторія».

Въ 1847 году Бѣлинскій началъ рядъ статей въ «Современникѣ» и въ первой изъ нихъ говорилъ уже вотъ что:

«Было время, когда вопросъ—есть ли у насъ литература?—не казался парадоксомъ и многими разрѣшенъ былъ въ отрицательномъ смыслѣ. И такое рѣшеніе естественно и неизбѣжно, если русскую литературу судить на основаніяхъ, по которымъ должно судить исторію европейскихъ

литературъ. Но одинъ изъ величайшихъ умственныхъ успѣховъ нашего времени въ томъ и состоитъ, что мы, наконецъ, поняли, что у Россіи была своя исторія... То же и въ отношеніи къ исторіи русской литературы». Исторія ея и заключается въ непрестанномъ стремленіи освободиться отъ искусственныхъ традицій, принятыхъ извнѣ, сблизиться съ жизнью, дѣйствительностью, слѣдовательно, сдѣлаться самобытною, національною, русскою. Въ сочиненіяхъ Пушкина, Крылова, Грибоѣдова, Лермонтова и особенно Гоголя сдѣланы были послѣдніе крупные шаги къ такой литературѣ, такъ что и вопроса, существуетъ ли она, уже нельзя подымать: она вся предъ глазами. «Литература наша дошла до такого положенія, что ея успѣхи въ будущемъ, ея движеніе впередъ зависятъ больше отъ объема и количества предметовъ, доступныхъ ея завѣдыванію, нежели отъ нея самой. Чѣмъ шире будутъ границы ея содержанія, чѣмъ больше будетъ пищи для ея дѣятельности, тѣмъ быстрѣе и плодовитѣе будетъ ея развитіе. Какъ бы то ни было, но если она еще не достигла своей зрѣлости, она уже нашла, нащупала, такъ сказать, прямую дорогу къ ней, а это великій успѣхъ съ ея стороны».

«Какъ ни молода наша литература,—писалъ Бѣлинскій подобнымъ же образомъ въ концѣ 1847 г. одному изъ друзей,—а ужъ сколько фактовъ успѣла она намъ дать для нашего возмужанія! Я помню, что такое были эти люди: Языковъ, Марлинскій, Баратынскій, Подолинскій, Брамбеусъ, Бенедиктовъ. Толковали ужъ не о томъ, таланты ли они, а не геніи ли? И гдѣ же

они теперь, гдѣ ихъ слова, кто говоритъ о нихъ кто помнитъ? Не обратились ли они въ какія-то темныя преданія? А между тѣмъ всѣ они, дѣйствительно, были люди не только не бездарные, но и съ талантами».

Бѣлинскому русскіе читатели болѣе всего и были обязаны тѣмъ, что онъ останавливалъ ихъ вниманіе на произведеніяхъ дѣйствительныхъ геніевъ и безпощадно преслѣдовалъ самодовольныя ничтожества мелкихъ талантовъ. Послѣ Гоголя и Бѣлинскаго литература всецѣло пошла по руслу, ими указанному. Критикъ тутъ дополнялъ художника, и въ этомъ отношеніи Бѣлинскому мѣтко дано его ученикомъ, Н. Г. Чернышевскимъ, названіе критика гоголевскаго періода русской литературы.

Послѣдняя большая статья Бѣлинскаго, обозрѣніе русской литературы за 1847 г., была посвящена снова Гоголю и начатой имъ «натуральной школѣ» литературы. И Бѣлинскій снова привѣтствовалъ здѣсь нѣсколько молодыхъ талантовъ, пріобрѣвшихъ потомъ всесвѣтную знаменитость: Гончарова, Достоевскаго, Тургенева.

Въ это время вліяніе Бѣлинскаго уже выходило далеко за предѣлы чисто-литературнаго воздѣйствія.

IV.

Съ ростомъ и возмужаніемъ литературы, которымъ Бѣлинскій, какъ критикъ, такъ много содѣйствовалъ, она все болѣе становилась общественно-воспитательною двигательною силою. Важно было уже то одно, что создавался въ

обществѣ безкорыстный интересъ къ книгѣ, къ новому міру идей, и это отрывало многихъ отъ той жизни «мертвыхъ душъ», которую изображалъ такъ сильно Гоголь. Литература при этомъ играла благородную роль истинно-просвѣтительной силы, и прежде всего она сталкивалась съ темною силою крѣпостного права.

Въ теченіе всего царствованія императора Николая I правительство постоянно было занято вопросомъ объ освобожденіи крестьянъ, который и обсуждался въ рядѣ комиссій, спеціально для того учреждаемыхъ. Но общество далеко было еще не подготовлено къ реформѣ, которой настоятельно требовали историческія условія, не было и тѣхъ работниковъ, на которыхъ можно было бы опереться для приведенія реформы въ исполненіе. Литературѣ сороковыхъ годовъ, и въ особенности критикѣ Бѣлинскаго и принадлежала важная роль — просвѣтить сознаніе общества, воспитать гуманныхъ и просвѣщенныхъ людей, стоящихъ на высотѣ задачи, которую предстояло вскорѣ разрѣшить. И хотя печатно Бѣлинскому не пришлось высказаться о крѣпостномъ правѣ, но мысль о необходимости освобожденія всюду сквозила въ его страстной и горячей рѣчи, не прерывавшейся, пока онъ могъ держать въ рукахъ перо.

Наиболѣе полно Бѣлинскій изложилъ свой задушевный взглядъ на дѣло въ письмѣ къ Гоголю по поводу книги послѣдняго «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями». Это письмо тогда же разошлось во множествѣ списковъ по всей Россіи и всюду произвело огромное впечатлѣніе выраженнымъ въ немъ страстнымъ не-

годованіемъ на всѣ темныя стороны тогдашняго русскаго быта. Современники справедливо называли это страстное посланіе «завѣщаніемъ» Бѣлинскаго, и нѣсколько яркихъ выдержекъ изъ него дадутъ понятіе о Бѣлинскомъ, довершающее его образъ.

Какъ извѣстно, книга Гоголя явилась плодомъ, съ одной стороны, преувеличенныхъ представленій писателя о своей проповѣднической миссіи, съ другой—крайне наивныхъ представленій о незыблемости и высотѣ офиціальныхъ началъ православія, самодержавія и народности, при которыхъ все по существу свято на Руси, все благо и добро и искажено лишь людскими страстями и пороками. Точка зрѣнія, къ которой былъ близокъ Бѣлинскій въ пору проповѣди «индѣйскаго покоя созерцанія», и тѣмъ энергичнѣе обрушился Бѣлинскій на Гоголя, когда послѣдній, по поводу нелестнаго печатнаго отзыва критика о книгѣ, обратился къ нему съ письмомъ.

«Вы только отчасти правы, увидавъ въ моей статьѣ разсерженнаго человѣка, — писалъ Бѣлинскій, начиная съ высказаннаго Гоголемъ подозрѣнія, что критикъ обидѣлся на рѣзкіе отзывы въ «Перепискѣ» о литераторахъ: — этотъ эпитетъ слишкомъ слабъ и нѣженъ для выраженія того состоянія, въ которое привело меня чтеніе вашей книги. Но вы вовсе неправы, приписавши это вашимъ, дѣйствительно, не совсѣмъ лестнымъ, отзывамъ о почитателяхъ вашего таланта. Нѣтъ, тутъ была причина болѣе важная. Оскорбленное чувство самолюбія еще можно перенести, и у меня достало бы ума промолчать

объ этомъ предметѣ, если бы все дѣло заключалось только въ немъ; но нельзя перенести оскорбленнаго чувства истины, человѣческаго достоинства; нельзя молчать, когда подъ покровомъ религіи и защитою кнута проповѣдуютъ ложь и безнравственность, какъ истину и добродѣтель.

«Да, я любилъ васъ со всею страстью, съ какою человѣкъ, кровно связанный со своею страною, можетъ любить ея надежду, честь, славу, одного изъ великихъ вождей ея на пути сознанія, развитія, прогресса. И вы имѣли основательную причину хоть на минуту выйти изъ спокойнаго состоянія духа, потерявши право на такую любовь. Говорю это не потому, чтобы я считалъ любовь свою наградою великаго таланта, а потому, что въ этомъ отношеніи я представляю не одно, а множество лицъ, изъ которыхъ ни вы ни я не видали самаго большаго числа и которые, въ свою очередь, тоже не видали васъ.

«Я не въ состояніи дать вамъ ни малѣйшаго понятія о томъ негодованіи, которое возбудила ваша книга во всѣхъ благородныхъ сердцахъ, ни о тѣхъ вопляхъ дикой радости, которые издали при появленіи ея всѣ враги ваши и нелитературные (Чичиковы, Ноздревы, городничіе и т. д.), и литературные, которыхъ имена хорошо вамъ извѣстны.

«Вы видите сами, что отъ вашей книги отступились даже люди, повидимому, одного духа съ ея духомъ.

«Я думаю,—писалъ Бѣлинскій,—что вы глубоко знаете Россію только какъ художникъ, а не какъ мыслящій человѣкъ, роль котораго вы

такъ неудачно приняли на себя въ вашей фантастической книгѣ. И это не потому, чтобы вы не были мыслящимъ человѣкомъ, а потому, что вы столько уже лѣтъ привыкли смотрѣть на Россію изъ вашего прекраснаго далека; а вѣдь извѣстно, что ничего нѣтъ легче, какъ издалека видѣть предметы такими, какими намъ хочется ихъ видѣть, потому что въ этомъ прекрасномъ далекѣ вы живете совершенно чуждымъ ему, въ самомъ себѣ, внутри себя, или въ однообразіи кружка, одинаково съ вами настроеннаго и безсильнаго противиться вашему на него вліянію. Поэтому вы не замѣтили, что Россія видитъ свое спасеніе не въ мистицизмѣ, не въ аскетизмѣ, не въ піэтизмѣ, а въ успѣхахъ цивилизаціи, просвѣщенія, гуманности. Ей нужны не проповѣди (довольно она слышала ихъ!), не молитвы (довольно она твердила ихъ!), а пробужденіе въ народѣ чувства человѣческаго достоинства, столько вѣковъ попираемаго въ грязи и навозѣ; права и законы, сообразные не съ ученіемъ Церкви, а съ здравымъ смысломъ и справедливостію, и строгое, по возможности, ихъ исполненіе. А вмѣсто этого она представляетъ собою ужасное зрѣлище страны, гдѣ люди торгуютъ людьми, не имѣя на это и того оправданія, какимъ лукаво пользуются американскіе плантаторы, утверждая, что негръ — не человѣкъ; страны, гдѣ люди сами себя называютъ не именами, а кличками: Ваньками, Васьками, Степками, Палашками; страны, гдѣ нѣтъ не только никакихъ гарантій для личности, чести и собственности, но нѣтъ даже полицейскаго порядка, а есть только огромныя корпораціи разныхъ

служебныхъ воровъ и грабителей. Самые живые, современные національные вопросы въ Россіи теперь: уничтоженіе крѣпостного права, отмѣненіе тѣлеснаго наказанія, введеніе, по возможности, строгаго исполненія хотя тѣхъ законовъ, которые уже есть. Это чувствуетъ даже само правительство (которое хорошо знаетъ, что дѣлаютъ помѣщики со своими крестьянами и сколько послѣдніе ежегодно рѣжутъ первыхъ), что доказывается его робкими и безплодными полумѣрами въ пользу бѣлыхъ негровъ и комическимъ замѣненіемъ однохвостнаго кнута трехвостною плетью. Вотъ вопросы, которыми тревожно занята Россія въ ея апатическомъ полуснѣ. И въ это-то время великій писатель, который своими дивно художественными, глубоко истинными твореніями такъ могущественно содѣйствовалъ самосознанію Россіи, давши ей возможность взглянуть на самое себя, какъ будто въ зеркалѣ, является съ книгою, въ которой во имя Христа и Церкви учитъ варвара-помѣщика наживать отъ крестьянъ больше денегъ, ругая ихъ неумытыми рылами... И это ли не должно было привести меня въ негодованіе?..

«Да если бы вы обнаружили покушеніе на мою жизнь, и тогда бы я не болѣе возненавидѣлъ васъ за эти позорныя строки. И послѣ этого вы хотите, чтобы вѣрили искренности направленія вашей книги. Нѣтъ, если бы вы, дѣйствительно, преисполнились истиною Христовою, а не дьяволовымъ ученьемъ, совсѣмъ не то написали бы вашему адепту изъ помѣщиковъ. Вы написали бы ему, что такъ какъ его крестьяне — его братья о Христѣ, и какъ братъ не можетъ

быть рабомъ своего брата, то онъ и долженъ или дать ему свободу или хотя, по крайней мѣрѣ, пользоваться трудами крестьянъ какъ можно льготнѣе для нихъ, сознавая себя въ ложномъ въ отношеніи къ нимъ положеніи. А выраженіе: «ахъ ты, неумытое рыло?» Да у какого Ноздрева, у какого Собакевича подслушали вы его, чтобы передать міру, какъ великое открытіе въ пользу и назиданіе мужиковъ, которые и безъ того потому и не умываются, что, повѣривъ своимъ барамъ, себя не считаютъ за людей? А ваше понятіе о національномъ русскомъ судѣ и расправѣ, идеалъ котораго нашли вы въ словахъ глупой бабы въ повѣсти Пушкина и по разуму которой должно пороть и праваго и виноватаго? Да это и такъ дѣлается у насъ въ частую, хотя чаще всего порютъ только праваго, если ему не чѣмъ откупиться отъ преступленія — быть безъ вины виноватымъ? И такая-то книга могла быть результатомъ труднаго внутренняго процесса, высокаго духовнаго просвѣтленія? Не можетъ быть! Или вы больны и вамъ надо спѣшить лѣчиться, или... не смѣю досказать своей мысли.

«Проповѣдникъ кнута, апостолъ невѣжества, поборникъ обскурантизма и мракобѣсія, панегиристъ татарскихъ нравовъ, что вы дѣлаете? Взгляните себѣ подъ ноги, вѣдь вы стоите надъ бездною!.. Что вы подобное ученіе опираете на православную Церковь, это еще понимаю... Христа-то зачѣмъ вы примѣшали тутъ?.. Онъ первый возвѣстилъ людямъ ученіе свободы, равенства и братства, и мученичествомъ запечатлѣлъ, утвердилъ истину своего ученія. И оно только до тѣхъ поръ

было спасеніемъ людей, пока не организовалось въ Церковь и не приняло за основаніе принципа ортодоксіи... Но смыслъ Христова слова открытъ философскимъ движеніемъ прошлаго вѣка. И вотъ почему какой-нибудь Вольтеръ, орудіемъ насмѣшки погасившій въ Европѣ костры фанатизма и невѣжества, конечно, болѣе сынъ Христа, плоть отъ плоти его и кость отъ костей его, нежели всѣ ваши попы, архіереи, митрополиты и патріархи, восточные и западные. Неужели вы этого не знаете!..

«Не буду распространяться о вашемъ дифирамбѣ любовной связи русскаго народа съ его владыками. Скажу прямо: этотъ дифирамбъ ни въ комъ не встрѣтилъ себѣ сочувствія и уронилъ васъ въ глазахъ даже людей, въ другихъ отношеніяхъ очень близкихъ къ вамъ по направленію. Что касается до меня лично, то предоставляю вашей совѣсти упиваться созерцаніемъ божественной красоты самодержавія (оно покойно, да, говорятъ, и выгодно для васъ), только продолжайте благоразумно созерцать его изъ вашего прекраснаго далека: вблизи-то оно не такъ прекрасно и не такъ безопасно...

«Вспомнилъ я еще, что въ вашей книгѣ вы утверждаете за великую и неоспоримую истину, будто простому народу грамота не только не полезна, но положительно вредна. Что сказать вамъ на это? Да проститъ васъ вашъ византійскій богъ за эту византійскую мысль, если только, передавши ее бумагѣ, вы знали, что говорили. Но, можетъ-быть, вы скажете: «Положимъ, что я заблуждался и всѣ мои мысли ложь; но почему отнимаютъ у меня право заблуждаться и

не хотятъ вѣрить искренности моихъ заблужденій?» Потому, отвѣчаю я вамъ, что подобное направленіе въ Россіи давно уже не новость. Даже еще недавно оно было вполнѣ исчерпано Бурачкомъ съ братіею. Конечно, въ вашей книгѣ больше ума и даже таланта (хотя того и другого не очень богато въ ней), чѣмъ въ ихъ сочиненіяхъ, но зато они развили общее съ вами ученіе съ большей энергіей и большей послѣдовательностью, смѣло дошли до его послѣднихъ результатовъ; все отдали византійскому богу, ничего не оставили сатанѣ, тогда какъ вы, желая поставить по свѣчѣ тому и другому, впали въ противорѣчіе, отстаивая, напримѣръ, Пушкина, литературу и театръ, которые съ вашей точки зрѣнія, если бы вы имѣли только добросовѣстность быть послѣдовательнымъ, нисколько не могутъ служить къ спасенію души, но много могутъ служить къ ея погибели... Чья же голова могла переварить мысль о тожественности Гоголя съ Бурачкомъ? Вы слишкомъ высоко поставили себя во мнѣніи русской публики, чтобы она могла вѣрить въ васъ искренности подобныхъ убѣжденій. Что кажется естественнымъ въ глупцахъ, то не можетъ казаться такимъ въ геніальномъ человѣкѣ...

«Вы, сколько я вижу, не совсѣмъ хорошо понимаете русскую публику. Ея характеръ опредѣляется положеніемъ русскаго общества, въ которомъ кипятъ и рвутся наружу свѣжія силы, но сдавленныя тяжелымъ гнетомъ, не находя исхода, производятъ только уныніе, тоску, апатію. Только въ одной литературѣ, несмотря на татарскую цензуру, есть еще жизнь и движеніе

впередъ. Вотъ почему званіе писателя у насъ такъ почетно, почему у насъ такъ легокъ литературный успѣхъ даже при маленькомъ талантѣ. Титло поэта, званіе литератора у насъ давно уже затмило мишуру эполетъ и разноцвѣтныхъ мундировъ. И вотъ почему у насъ въ особенности награждается общимъ вниманіемъ всякое такъ называемое либеральное направленіе, даже и при бѣдности таланта, и почему такъ скоро падаетъ популярность великихъ талантовъ, отдающихъ себя, искренно или неискренно, въ услуженіе православію, самодержавію и народности. Разительный примѣръ Пушкина, которому стоило только написать два, три вѣрноподданническихъ стихотвореній и надѣть камеръ-юнкерскую ливрею, чтобы вдругъ лишиться народной любви. И вы сильно ошибаетесь, если не шутя думаете, что ваша книга пала не отъ ея дурного направленія, а отъ рѣзкости истинъ, будто бы высказанныхъ вами всѣмъ и каждому. Положимъ, вы могли это думать о пишущей братіи, но публика-то какъ могла попасть въ эту категорію? Неужели въ Ревизорѣ и Мертвыхъ Душахъ вы менѣе рѣзки, съ меньшею истиною и талантомъ и менѣе горькія правды высказали ей. И она, дѣйствительно, осердилась на васъ до бѣшенства, но Ревизоръ и Мертвыя Души отъ того не пали, тогда какъ ваша послѣдняя книга позорно провалилась сквозь землю. И публика тутъ права: она видитъ въ русскихъ писателяхъ своихъ единственныхъ вождей, защитниковъ и спасителей отъ русскаго самодержавія, православія, народности, и потому, всегда готовая простить писателю плохую книгу, никогда не проститъ ему

зловредной книги. Это показываетъ, сколько лежитъ въ нашемъ обществѣ, хотя и въ зародышѣ, свѣжаго, здороваго чутья и это же показываетъ, что у него есть будущность. Если вы любите Россію, порадуйтесь вмѣстѣ со мною, порадуйтесь паденію вашей книги.

«Да, у русскаго человѣка глубокъ, хотя и не развитъ еще инстинктъ истины. Ваше обращеніе, пожалуй, могло быть и искренно, но мысль довести о немъ до свѣдѣнія публики была самая несчастная. Времена наивнаго благочестія давно уже прошли и для нашего общества. Оно уже понимаетъ, что молиться вездѣ все равно, и что въ Іерусалимѣ ищутъ Христа только люди, или никогда не носившіе Его въ груди, или потерявшіе Его. Кто способенъ страдать при видѣ чужого страданія, кому тяжело зрѣлище угнетенія чуждыхъ ему людей, — тотъ носитъ Христа въ груди своей, и тому не зачѣмъ ходить пѣшкомъ въ Іерусалимъ. Смиреніе, проповѣдуемое вами, во-первыхъ, не любовь, а во-вторыхъ, отзывается, съ одной стороны, странною гордостью, а съ другой, самымъ позорнымъ униженіемъ своего человѣческаго достоинства...

«Нѣтъ, вы только омрачены, а не просвѣтлены; вы не поняли ни духа ни формы христіанства нашего времени: не истиной христіанскаго ученія, а болѣзненною боязнію смерти, чорта и ада вѣетъ отъ вашей книги! И что за языкъ, что за фразы! «Дрянь и тряпка сталъ теперь всякъ человѣкъ!» Неужели вы думаете, что сказать всякъ вмѣсто всякій значитъ выражаться библейски? Какая это великая истина, что, когда человѣкъ весь отдается лжи, его

оставляютъ умъ и талантъ. Не будь на вашей книгѣ выставлено вашего имени и будь изъ нея выключены тѣ мѣста, гдѣ вы говорите о себѣ какъ писателѣ, кто бы подумалъ, что эта неопрятная и надутая шумиха словъ и фразъ— произведеніе пера автора Ревизора и Мертвыхъ Душъ?

«Что же касается до меня лично, повторяю вамъ: вы ошиблись, сочтя мою статью выраженіемъ досады за вашъ отзывъ обо мнѣ, какъ объ одномъ изъ вашихъ критиковъ... Предо мною была ваша книга, а не ваши намѣренія. Я читалъ и перечитывалъ ее сто разъ, все-таки не нашелъ въ ней ничего, кромѣ того, что въ ней есть, а то, что въ ней есть, глубоко оскорбило и возмутило мою душу.

«Если бы я далъ полную волю моему чувству, письмо мое скоро превратилось бы въ толстую тетрадь. Я никогда не думалъ писать къ вамъ объ этомъ предметѣ... Неожиданное полученіе вашего письма дало мнѣ возможность высказать вамъ все, что лежало у меня на душѣ противъ васъ по поводу вашей книги. Я не умѣю говорить вполовину, не умѣю хитрить, это не въ моей натурѣ. Пусть вы или само время докажетъ мнѣ, что я заблуждался въ моихъ объ васъ заключеніяхъ. Я первый порадуюсь этому, но не раскаюсь въ томъ, что сказалъ вамъ. Тутъ дѣло идетъ не о моей или вашей личности, но о предметѣ, который гораздо выше не только меня, но даже и васъ. Тутъ дѣло идетъ объ истинѣ, о русскомъ обществѣ, о Россіи. И вотъ мое послѣднее заключительное слово: если вы имѣли несчастіе съ гордымъ смиреніемъ отречься

отъ вашихъ истинно великихъ произведеній, то теперь вамъ должно съ искреннимъ смиреніемъ отречься отъ послѣдней вашей книги, и тяжкій грѣхъ ея изданія въ свѣтъ искупить новыми твореніями, которыя бы напомнили ваши прежнія».

Это историческое письмо написано было за границею, именно въ Зальцбруннѣ въ Силезіи, куда Бѣлинскаго отправили лѣчиться его друзья. Чахотка быстро сдѣлала свое дѣло по возвращеніи писателя изъ-за границы. Возвращался онъ на родину безъ надеждъ на выздоровленіе, но поглощенный новыми мыслями и настроеніемъ вызванными соціальнымъ броженіемъ Европы, которое вскорѣ разразилось февральскою революціею. Но въ то время, какъ въ Европѣ Бѣлинскій и его друзья (въ томъ числѣ и Герценъ, удалившійся навсегда за предѣлы родины) ожидали не только политическаго, но и близкаго соціальнаго переворота, въ Россіи правительство Николая I уже дѣлало отчаянныя усилія совершенно подавить всякое движеніе умовъ. И лично Бѣлинскому въ предсмертные мѣсяцы и дни пришлось пережить не мало тревогъ со стороны III отдѣленія, давно подозрительно слѣдившаго за его дѣятельностью.

Уже и раньше, по разсказу Герцена, Скобелевъ, комендантъ Петропавловской крѣпости, говорилъ шутя Бѣлинскому, встрѣчая его на Невскомъ проспектѣ: «Когда же къ намъ? у меня совсѣмъ готовъ тепленькій казематъ, такъ для васъ его и берегу». Теперь больного Бѣлинскаго неоднократно тревожили вызовами «для знакомства» въ III отдѣленіе; критикъ, впрочемъ, по состоянію здоровья не являлся на эти

приглашенія. Извѣстная картина Наумова (снимокъ съ которой приложенъ къ 4-томному Павленковскому изданію сочиненій Бѣлинскаго) изображаетъ подобное появленіе «одного изъ славныхъ русскихъ лицъ» въ квартирѣ Бѣлинскаго въ тотъ моментъ, когда онъ заговорился съ друзьями (Некрасовымъ и Панаевымъ) о какой-то новой книгѣ. «Благо Бѣлинскому, умершему во-время», не разъ повторялъ его московскій другъ профессоръ Грановскій, въ темные годы, послѣдовавшіе за его смертью. Извѣстно, что въ 1849 г. по дѣлу Петрашевскаго и товарищей его Достоевскій былъ приговоренъ къ смерти и взведенъ на эшафотъ за чтеніе, между прочимъ, письма Бѣлинскаго къ Гоголю, и понятно, какъ могъ поплатиться самъ авторъ...

Но Бѣлинскаго не стало 26 мая 1848 г. въ 6 часовъ утра, 37 лѣтъ отроду. Предъ самою смертью онъ въ бреду говорилъ часа два, не переставая, обращаясь, какъ бы къ русскому народу; приходилъ въ отчаяніе, что его не понимаютъ; просилъ жену все хорошенько запомнить и передать его слова, но изъ рѣчей его почти ничего нельзя было уже разобрать, кромѣ того, что послѣднею его думою была мысль о родинѣ и русскомъ народѣ.

Тѣло Бѣлинскаго погребено въ Петербургѣ на Волковомъ кладбищѣ. На могилѣ поставленъ скромный памятникъ.

V.

Въ массѣ написаннаго Бѣлинскимъ можно найти и ошибки и промахи, легко, впрочемъ, объясняемые условіями времени и состояніемъ

тогдашней науки. Такъ, бросается въ глаза, что народную поэзію Бѣлинскій ставилъ неизмѣримо ниже художественной. Съ этой точки зрѣнія онъ не оцѣнилъ, напр., поэзіи Шевченка, корни которой всецѣло въ народной безыскусственной пѣснѣ, не оцѣнилъ тѣмъ болѣе, что и областную малороссійскую литературу не считалъ жизнеспособною. Безусловно отрицательно Бѣлинскій относился и ко всему допетровскому времени съ его литературою, признавая, что только петровская реформа вызвала Россію изъ небытія къ бытію. «Для меня Петръ,—говорилъ Бѣлинскій,—моя философія, моя религія, мое откровеніе во всемъ, что касается Россіи. Это примѣръ для великихъ и малыхъ, которые хотятъ что-нибудь дѣлать, быть чѣмъ-нибудь полезными». Однако позднѣйшія изслѣдованія допетровской эпохи показали, что реформы Петра I были во многихъ отношеніяхъ уже подготовлены и что во многомъ правы были славянофилы въ критикѣ реформы, тяжело легшей особенно на низшіе слои населенія. Ясна теперь и такая ошибка Бѣлинскаго, сдѣланная въ пылу полемики со славянофилами, какъ безусловное отрицаніе за южными славянами способности къ политической жизни, даже до предпочтенія имъ въ этомъ отношеніи турокъ, все-таки составляющихъ-де нѣкоторый государственный организмъ. Еще очевиднѣе ошибки Бѣлинскаго во многихъ сужденіяхъ объ иностранной литературѣ. Но все это, конечно, нимало не можетъ умалить общихъ заслугъ Бѣлинскаго, какъ литературнаго критика и воспитателя русскаго общественнаго мнѣнія.

Борьба со взглядомъ, установившимся въ тридцатыхъ годахъ ко вреду литературы, будто она уже достигла не малаго величія; борьба со множествомъ устарѣлыхъ литературныхъ традицій и предразсудковъ, мѣшавшихъ движенію литературы впередъ; развѣнчаніе множества мнимыхъ литературныхъ величинъ и правильная оцѣнка цѣлаго ряда, дѣйствительно, великихъ писателей отъ Ломоносова до Гоголя; установленный Бѣлинскимъ историческій взглядъ на развитіе литературы и общества, будущее которыхъ еще впереди; изумительный даръ угадыванія крупныхъ талантовъ въ начинающихъ писателяхъ (Кольцовъ, Тургеневъ, Достоевскій, Гончаровъ, Майковъ и друг.); пробужденіе въ массѣ читателей живого интереса и сочувствія къ литературѣ и всѣмъ лучшимъ человѣческимъ стремленіямъ при первоначальномъ равнодушіи большинства общества къ умственной жизни; постоянная защита науки и просвѣщенія отъ нападокъ со стороны обскурантовъ, бездарныхъ, но сильныхъ слабостью умственныхъ интересовъ въ обществѣ; борьба съ теоріями о такой самобытности русскаго народа, которая исключаетъ для него возможность полезнаго общенія съ западно-европейскимъ просвѣщеніемъ; болѣе правильная оцѣнка значенія «народности» въ жизни и литературѣ, и въ связи съ этимъ — въ письмѣ къ Гоголю — первая послѣ декабристовъ постановка общественной-политической задачи литературы; пробужденіе въ обществѣ сочувствія къ народу, страдавшему отъ крѣпостного права, правильное и широкое пониманіе задачъ воспитанія вообще и воспитанія женщинъ въ

частности, освѣщеніе истинныхъ задачъ театра, и многое другое,—вотъ тѣ великія заслуги Бѣлинскаго, которыя дѣлаютъ его имя безсмертнымъ въ исторіи нашей литературы.

Разнообразіе сторонъ, на которыя направлялось вліяніе Бѣлинскаго, вполнѣ оправдываетъ сравненіе его дѣятельности съ дѣятельностью энциклопедистовъ XVIII вѣка, будившихъ умы въ каждой области, на которую обращалось ихъ вниманіе. Но для русскихъ Бѣлинскій, какъ публицистъ,—явленіе, быть-можетъ, гораздо болѣе многозначительное, чѣмъ энциклопедисты для французовъ, уже потому, что все еще не изжито главное общественно-просвѣтительное содержаніе страстныхъ импровизацій Бѣлинскаго въ формѣ критическихъ статей.

Его сочиненія и обширная, къ счастью, въ значительной своей части сохранившаяся, переписка съ друзьями—богатѣйшій матеріалъ какъ вообще для исторіи нашего литературнаго и умственнаго развитія, такъ и для характеристики этой исключительной личности.

Въ нихъ развертывается предъ нами поучительная и захватывающая картина развитія, стремленій, борьбы съ самимъ собою и съ внѣшними враждебными обстоятельствами богато одаренной умомъ и сердцемъ натуры, которой ничто не могло сломить нравственно. Съ этой нравственной стороны Бѣлинскій, безспорно, стоитъ такъ же высоко, какъ и въ качествѣ литературнаго дѣятеля.

Собственно говоря, сочиненія Бѣлинскаго потому такъ и захватывали въ свое время читателей, что въ каждой написанной имъ строчкѣ

чувствовалось горячее убѣжденіе автора, та глубокая искренность, для которой нѣтъ разницы между словомъ и дѣломъ. Сохранилось не мало свидѣтельствъ о впечатлѣніи, какое производили и по смерти критика его статьи, разсѣянныя по старымъ, но тщательно сохраняемымъ книжкамъ журналовъ. Возстанавливая въ памяти читателей значеніе критики Бѣлинскаго, Чернышевскій писалъ въ 1855 г.: «Мы всѣ привязаны къ ней горячей любовью преданныхъ и благодарныхъ учениковъ... Будемъ говорить о критикѣ гоголевскаго періода какъ можно холоднѣе; въ настоящемъ случаѣ намъ не нужны и противны громкія фразы: есть такая степень уваженія и сочувствія, когда всякія похвалы отвергаются, какъ нѣчто не выражающее всей полноты чувства». Когда въ 1859 году появилось впервые собраніе сочиненій Бѣлинскаго, въ статьѣ Добролюбова, привѣтствовавшей это знаменательное событіе, говорилось: «Во всѣхъ концахъ Россіи есть люди, исполненные энтузіазма къ этому геніальному человѣку, и, конечно, это лучшіе люди Россіи... Сколько счастливыхъ, чистыхъ минутъ снова напомнятъ намъ его статьи,—тѣхъ минутъ, когда мы полны были юношескихъ безкорыстныхъ порывовъ, когда энергическія слова Бѣлинскаго открывали намъ совершенно новый міръ знанія, размышленія и дѣятельности! Читая его, мы забывали мелочность и пошлость всего окружающаго, мы мечтали объ иныхъ людяхъ, объ иной дѣятельности, и искренно надѣялись встрѣтить когда-нибудь такихъ людей, и восторженно обѣщали посвятить себя самихъ такой дѣятельности... Жизнь обманула насъ, какъ об-

манула и его; но для насъ до сихъ поръ дороги тѣ дни святого восторга, тотъ вдохновенный трепетъ, тѣ чистыя, безпорочныя увлеченія и мечты, которымъ, можетъ-быть, никогда не суждено осуществиться, но съ которыми разстаться до сихъ поръ трудно и больно»...

Эти строки писаны человѣкомъ, лично на себѣ извѣдавшимъ вліяніе статей Бѣлинскаго. Еще драгоцѣннѣе другое заявленіе о благотворномъ воспитательномъ воздѣйствіи Бѣлинскаго на читателей, заявленіе со стороны человѣка, который не только не увлекался Бѣлинскимъ, но по взглядамъ своимъ во многомъ рѣзко расходился съ нимъ. Это — славянофилъ И. С. Аксаковъ. Какъ видно изъ семейной переписки Аксакова, онъ и лично къ Бѣлинскому относится сухо и холодно, хотя критикъ, весьма цѣнившій въ Аксаковѣ нѣкоторый поэтическій талантъ, не только не давалъ къ этому повода, но прямо выказывалъ свое расположеніе къ Аксакову. Въ молодые годы Аксаковъ долго служилъ въ провинціи по судебному и другимъ вѣдомствамъ. Міръ городничихъ, Тяпкиныхъ-Ляпкиныхъ и прочихъ гоголевскихъ типовъ изученъ былъ имъ въ натурѣ, и нерѣдко приходилъ онъ въ глубокое уныніе отъ пустоты и низменности провинціальной жизни, отъ того, что рѣдко можно было натолкнуться на образованнаго и порядочнаго человѣка. Вотъ что писалъ Аксаковъ въ 1856 году въ одну изъ такихъ минутъ, являя примѣръ истиннаго благороднаго безпристрастія.

«Много я ѣздилъ по Россіи: *имя Бѣлинскаго извѣстно каждому сколько-нибудь мыслящему юношѣ,*

всякому жаждущему свѣжаго воздуха среди вопіющаго болота провинціальной жизни. Нѣтъ ни одного учителя гимназіи въ губернскихъ городахъ, который бы не зналъ наизусть письма Бѣлинскаго къ Гоголю; въ отдаленныхъ краяхъ Россіи только теперь еще проникаетъ это вліяніе и увеличиваетъ число прозелитовъ. Тутъ нѣтъ ничего страннаго. Всякое рѣзкое отрицаніе нравится молодости, всякое негодованіе, всякое требованіе простора, правды принимается съ восторгомъ тамъ, гдѣ сплошная мерзость, гнетъ, рабство, подлость грозятъ поглотить человѣка, осадить, убить въ немъ все человѣческое. *Мы Бѣлинскому обязаны своимъ спасеніемъ,* говорятъ мнѣ вездѣ молодые, честные люди въ провинціи. И въ самомъ дѣлѣ, въ провинціи вы можете видѣть два класса людей: съ одной стороны, взяточниковъ, чиновниковъ въ полномъ смыслѣ этого слова, жаждущихъ лентъ, крестовъ и чиновъ, помѣщиковъ, презирающихъ идеологовъ, привязанныхъ къ своему барскому достоинству и крѣпостному праву, вообще довольно гнусныхъ. Вы отворачиваетесь отъ нихъ, обращаетесь къ другой сторонѣ, гдѣ видите людей молодыхъ, честныхъ, возмущающихся зломъ и гнетомъ, поборниковъ эмансипаціи и всякаго простора, съ идеями гуманными... И если вамъ нужно честнаго человѣка, способнаго сострадать болѣзнямъ и несчастіямъ угнетенныхъ, честнаго доктора, честнаго слѣдователя,—*ищите таковыхъ въ провинціи между послѣдователями Бѣлинскаго*».

И безспорно, Бѣлинскій заслужилъ своею печальною судьбою и поднятымъ имъ трудомъ то горячее чувство благодарности, поклоненія

ему, какъ учителю жизни, съ которымъ люди, по словамъ Аксакова, говорили: «Мы Бѣлинскому обязаны своимъ спасеніемъ». Тепло говорилъ объ этомъ писатель, хотя и расходившійся съ Бѣлинскимъ, подобно Аксакову, во многомъ, но высоко его ставившій какъ геніальнаго критика и человѣка съ безупречнымъ нравственнымъ характеромъ, Аполлонъ Григорьевъ: «Горячаго сочувствія при жизни и по смерти стоилъ тотъ, кто самъ умѣлъ горячо и беззавѣтно сочувствовать. Безстрашный боецъ за правду—онъ не усомнился ни разу отречься отъ лжи, какъ только сознавалъ ее, и гордо отвѣчалъ тѣмъ, которые упрекали его за измѣненія взглядовъ и мыслей, что не измѣняетъ мыслей только тотъ, кто не дорожитъ правдой. Кажется даже, онъ созданъ былъ такъ, что натура его не могла устоять противъ правды, какъ бы правда ни противорѣчила его взгляду, какихъ бы жертвъ она ни потребовала. Смѣло и честно звалъ онъ первый геніальнымъ то, что онъ таковымъ созналъ, и, благодаря своему критическому чутью, ошибался рѣдко. Такъ же смѣло и честно разоблачалъ онъ, часто наперекоръ общему мнѣнію, все, что казалось ему ложнымъ или напыщеннымъ,—заходилъ иногда за предѣлы, но въ сущности, въ основахъ *никогда* не ошибался. У него былъ ключъ къ словамъ его эпохи, и въ груди его жила могущественная и вулканическая сила. Теоріи увлекали его, какъ и многихъ, но въ немъ было всегда нѣчто высшее теорій, чего нѣтъ во многихъ... Вполнѣ дитя своего вѣка, онъ не опередилъ, да и не долженъ былъ опережать его... Если бы Бѣлинскій

прожилъ до настоящаго времени, онъ и теперь стоялъ бы во главѣ критическаго сознанія, по той простой причинѣ, что сохранилъ бы возвышенное свойство своей натуры: неспособность закоснѣть въ теоріи противъ правды искусства и жизни».

Много можно было бы привести и еще болѣе или менѣе выпуклыхъ характеристикъ личности Бѣлинскаго и его дѣятельности, характеристикъ, съ любовью сдѣланныхъ замѣчательнѣйшими литературными дѣятелями позднѣйшей эпохи. Но смыслъ этихъ цитатъ былъ бы одинъ, выраженный, между прочимъ, въ слѣдующихъ словахъ Добролюбова:

«Многое, чѣмъ читатели восхищались у другихъ, принадлежитъ ему, вышло отъ него; многія изъ истинъ, на которыя теперь опираются наши разсужденія, утверждены имъ, въ ожесточенной борьбѣ съ невѣжествомъ, ложью и злонамѣренностью своихъ противниковъ, при сонной апатіи равнодушнаго общества... Да, въ Бѣлинскомъ наши лучшіе идеалы, въ Бѣлинскомъ же исторія нашего общественнаго развитія, въ немъ же и тяжкій, горькій неизгладимый упрекъ нашему обществу...

«Что бы ни случилось съ русскою литературой, какъ бы пышно она ни развилась, Бѣлинскій всегда будетъ ея гордостью, ея славою, ея украшеніемъ».

Поколѣніе, лучшіе представители котораго съ безконечнымъ чувствомъ благодарности говорили: «мы Бѣлинскому обязаны своимъ спасеніемъ», одно изъ лучшихъ выраженій своего чувства нашло въ извѣстныхъ стихахъ Некрасова:

Молясь твоей многострадальной тѣни,
Учитель, передъ именемъ твоимъ
Позволь смиренно преклонить колѣни...

Если нашъ очеркъ хоть отчасти оживилъ въ читателяхъ это же настроеніе, или же, по крайней мѣрѣ, сдѣлалъ его понятнымъ, то наша задача исполнена.

Конецъ мая и начало іюня 1898 года было для русской читающей публики всецѣло «днями Бѣлинскаго». За ничтожными исключеніями (со стороны преемниковъ позорной памяти Булгарина), вся русская печать съ рѣдкимъ единодушіемъ спѣшила возложить свой вѣнокъ на великую могилу. Обаяніе «многострадальной тѣни» заставило зашевелиться публику не только въ столицахъ, но и въ провинціи, что особенно характерно. Дешевыя изданія сочиненій Бѣлинскаго распространились широко, какъ и статьи, книги и брошюры о немъ. Не обошлось и безъ диссонансовъ, но всѣ эти отрицанія всенароднаго значенія Бѣлинскаго, попытки умалить смыслъ чествованія памяти Бѣлинскаго только сильнѣе подчеркнули, какъ въ общемъ дружно отозвалось общество. Какой бы то ни было опредѣленной организаціи или общаго плана въ чествованіи Бѣлинскаго выработано никѣмъ не было, но въ разныхъ углахъ Россіи, не исключая самыхъ медвѣжьихъ, вездѣ, гдѣ находились люди, для которыхъ нѣчто звучало въ имени Бѣлинскаго, безъ всякихъ приглашеній со стороны заранѣе образованныхъ комитетовъ, какіе въ подобныхъ случаяхъ возникаютъ за границей, са-

мопроизвольно люди собирались, чтобы въ той или другой формѣ почтить память «великаго сердца». Не изсякло, очевидно, вліяніе Бѣлинскаго до сихъ поръ; «дни Бѣлинскаго» не прошли безслѣдно уже тѣмъ, что, помимо тамъ и сямъ возникшихъ новыхъ народно-образовательныхъ учрежденій его имени, они, дѣйствительно, напомнили обществу образъ истиннаго русскаго гражданина, отдавшаго жизнь и кровь за то, что онъ считалъ лучшимъ и высшимъ...

ДОБАВЛЕНІЕ.

Съ 26 мая 1897 г. сочиненія Бѣлинскаго стали общественною собственностью, т.-е. печатать и издавать ихъ можетъ каждый желающій. До этого времени было 12-томное изданіе сочиненій Бѣлинскаго Солдатенкова и Щепкина въ Москвѣ и 4-хъ-томное (сокращенное) Павленкова въ Петербургѣ. Съ 1898 г. появилось нѣсколько новыхъ изданій, изъ которыхъ назовемъ, какъ наиболѣе доступное по цѣнѣ и дающее наиболѣе цѣнныя статьи Бѣлинскаго, изданіе Поповой въ Петербургѣ: „Избранныя сочиненія Бѣлинскаго“ съ предисловіемъ и вступительною статьею Н. Котляревскаго, цѣна за оба тома 2 р. 40 к. *Полное собраніе сочиненій и писемъ Бѣлинскаго* выходитъ подъ редакціей и съ примѣчаніями С. А. Венгерова, въ XII томахъ.

„Письмо Бѣлинскаго къ Гоголю“. Нѣсколько изданій, лучшее книгоиздательство: „Свѣточъ“, подъ редакціей С. Венгерова. Ц. [10 коп. Спб. [1905.]

Полное пониманіе значенія Бѣлинскаго для русской литературы и вообще для умственнаго развитія русскаго общества можетъ быть достигнуто лишь при обстоятельномъ знакомствѣ читателя съ подробностями жизни, дѣятельности и эпохи Бѣлинскаго. Нашъ очеркъ не имѣетъ въ виду подобной полноты. Поэтому считаемъ полезнымъ указать важнѣйшіе источники и труды по изученію Бѣлинскаго и его времени.

А. Н. Пыпинъ: „Бѣлинскій, его жизнь и переписка“. Два тома. Спб. 1876 г. Это—работа, до сихъ поръ наиболѣе полно представлявшая всѣ внѣшніе факты жизни Бѣлинскаго, и давшая богатый матеріалъ для сужденій о взглядахъ Бѣлинскаго и ихъ послѣдовательномъ развитіи.

С. Венгеровъ. „Великое сердце“. Начало подробной и прекрасно написанной біографіи Бѣлинскаго, печатавшееся въ 1898 г. въ журналѣ „Русское Богатство“ за 1898 г.

Евг. Соловьевъ (Скриба). „В. Г. Бѣлинскій въ его письмахъ, и сочиненіяхъ“. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 75 к. Очень живо и горячо на-

писанный обзоръ жизни и дѣятельности Бѣлинскаго, принимающій во вниманіе и тѣ матеріалы, которые появились въ свѣтъ послѣ книги Пыпина.

Воспоминанія о Бѣлинскомъ даютъ много матеріала для его личной характеристики. Назовемъ воспоминанія *П. П. Панаева*, *Тургенева, Достоевскаго, Гончарова, Кавелина, П. Анненкова* („Замѣчательное десятилѣтіе“) въ III т. „Критическихъ статей и воспоминаній“), *Герцена* („Былое и думы“, „Дневникъ“,). *Некрасовъ* посвятилъ памяти Бѣлинскаго стихотвореніе „Памяти пріятеля“ и страницу въ „Медвѣжьей охотѣ“.

Болѣе или менѣе обстоятельную оцѣнку критической дѣятельности Бѣлинскаго или отдѣльныхъ сторонъ ея пытались дать многіе авторы въ длинномъ рядѣ книгъ и статей, изъ которыхъ назовемъ: *Чернышевскаго:* „Очерки гоголевскаго періода русской литературы“: *А. Н. Пыпина:* „Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ“; статьи *А. Григорьева* въ I томѣ соч.; статьи *А. Скабичевскаго* въ I томѣ собранія сочиненій и въ журналѣ „Міръ Божій“ за 1894 г.; *М. Протопопова*: „Бѣлинскій, его жизнь и литературная дѣятельность“ (Жизнь замѣчательныхъ людей“, Ф. Павленкова); „Бѣлинскій о театрѣ“ въ нашей книгѣ „Въ сороковыхъ годахъ“ и др.

Матеріалы, характеризующіе эпоху: *Барсуковъ*: „Жизнь и труды Погодина, т. V—IX“ (въ VIII томѣ письмо Бѣл. къ Гоголю); *Пыпинъ*: „Характеристики“; *Никитенко*: „Записки и дневникъ“; *А. Скабичевскій* т. I: „Очерки по исторіи русской цензуры“, наша книга „Т. Грановскій и его время“ и друг.

Для читателей, которымъ новы эти библіографическія указанія, могутъ оказаться не лишними и кое-какія замѣчанія о чтеніи сочиненій Бѣлинскаго.

Современный мало подготовленный читатель легко можетъ растеряться въ массѣ написаннаго Бѣлинскимъ на литературныя злобы дня, интересное теперь только для записного библіографа и спеціалиста исторіи литературы. Полное собраніе сочиненій Бѣлинскаго (даже 12-томное извѣстное изданіе Солдатенкова, впрочемъ, еще не полное) черезчуръ громоздко для первоначальнаго знакомства съ Бѣлинскимъ. Приходится ограничиться наиболѣе существеннымъ, руководясь, относительно противорѣчій Бѣлинскаго самому себѣ, какою-либо біографіею, выясняющею измѣненія въ его взглядахъ.

Центръ тяжести всего имъ написаннаго, конечно, въ статьяхъ чисто литературныхъ, которыя при первоначальномъ чтеніи Бѣлинскаго удобнѣе всего распредѣлить въ порядкѣ развитія литератур-

ныхъ явленій. Извѣстно, что въ послѣдніе годы жизни онъ приступалъ къ составленію „Критической исторіи русской литературы“. Для XVIII и первой половины XIX в. весь необходимый для такой исторіи матеріалъ едва ли не налицо въ сочиненіяхъ Бѣлинскаго, изложенный въ страстныхъ импровизаціяхъ, въ яркихъ и живыхъ характеристикахъ и очеркахъ.

На первомъ мѣстѣ, конечно, должна быть поставлена статья, которою Бѣлинскій блестяще началъ свою дѣятельность: „Литературныя мечтанія“, какъ первый общій обзоръ новой русской литературы до 30-хъ годовъ XIX в. Статья „Общее значеніе слова литература“, составлявшая введеніе къ начатому Бѣлинскимъ курсу, написанная во время зрѣлыхъ взглядовъ критика, можетъ служить, дѣйствительно, „введеніемъ“ къ дальнѣйшему изученію. Статья о Пушкинѣ представляетъ собою набросокъ связаннаго курса исторіи литературы, къ которому дополненіями могутъ служить статьи и рецензіи о Кантемирѣ, Ломоносовѣ, Державинѣ, Крыловѣ, Козловѣ. Къ этому же періоду литературы могутъ быть отнесены статьи о Языковѣ (обозрѣніе литературы за 1845 г.), о Баратынскомъ и Полежаевѣ, а также разбросанныя тамъ и сямъ рецензіи о мнимыхъ величинахъ литературы тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, о Бенедиктовѣ, Марлинскомъ и Кукольникѣ, развѣнчанныхъ Бѣлинскимъ въ пору ихъ шумной извѣстности.

На глазахъ Бѣлинскаго и подъ сильнѣйшимъ его вліяніемъ развивались новыя явленія русской литературы—это такъ называемый гоголевскій періодъ, который съ такимъ же правомъ можетъ быть названъ періодомъ Бѣлинскаго. Замѣтки о задачахъ критики и обзоръ исторіи русской критики (статья 1842 г. по поводу брошюры Никитенка: „Рѣчь о критикѣ“) и статья о Полевомъ могутъ служить введеніемъ къ изученію гоголевскаго періода. Лермонтовъ, Кольцовъ, Грибоѣдовъ (статью 1840 г. о „Горе отъ ума“ удобнѣе всего предпослать именно Гоголю, такъ какъ въ статьѣ рѣчь больше о „Ревизорѣ“, чѣмъ о „Горе отъ ума“), Гоголь и натуральная школа—таковъ намъ, кажется, довольно естественный порядокъ, въ которомъ удобно читать Бѣлинскаго за этотъ періодъ (хронологически распредѣляя статьи о каждомъ авторѣ). Дополненіями могутъ служить статья 1846 года „Мысли и замѣтки о русской литературѣ“ и обозрѣніе за 1846 г., носящія характеръ общихъ обзоровъ. Вторая изъ нихъ важна, какъ наиболѣе полное выраженіе взглядовъ Бѣлинскаго на „народность“, и къ ней примыкаетъ статья о „Тарантасѣ“ Соллогуба. Здѣсь же съ пользою могутъ быть прочитаны статьи того же періода о сочиненіяхъ замѣчательнаго литературнаго и обществен-

наго дѣятеля князя В. Одоевскаго (дѣдушки Ирпнея) и объ его изданіи „Сельское Чтеніе“, которое было родоначальникомъ развившейся въ послѣдніе годы народно-образовательной литературы. Заключеніемъ можетъ служить обозрѣніе русской литературы за 1847 г. и тѣ отдѣльныя статьи, гдѣ отмѣченъ рядъ новыхъ писателей, дѣятельность которыхъ развернулась во всю ширь уже значительно позднѣе: Гончаровъ, Достоевскій, Тургеневъ, Искандеръ, Майковъ и другіе.

Статьи по вопросамъ воспитанія и о театрѣ могутъ дать матеріалъ для самостоятельнаго изученія.

Само собою разумѣется, что въ подобной намѣчаемой нами программѣ чтенія и изученія сочиненій Бѣлинскаго не можетъ быть ничего безусловнаго. Но она, кажется намъ, даетъ нѣкоторую, хотя нѣсколько и внѣшнюю, руководящую нить, держась которой и не теряя въ то же время изъ виду внутренней связи критическаго творчества Бѣлинскаго, уясняемой фактами его личной біографіи и перепискою, можно легче оцѣнить и усвоить то, чѣмъ жилъ Бѣлинскій и что онъ завѣщалъ русской литературѣ и русскому обществу.

нь
па
Дл
пс
из
ха

ко
ту
ра
те
на
дѣ
кн
те
це
К
Я
ле
ве
ди
въ

ви
го
на
зо
Н
вв
Гр
по
зо
на
чи
ст
18
18
ва
„н
гу
пе

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОТЕКА.

Вѣтринскій, Ч.
Гуманистъ сороковыхъ годовъ (Т. Н. Грановскій). Ц. 16 к.
Гремяченскій, Д.
Современный строй и проституція. Ц. 10 к.
Георгъ Эллинекъ.
Право меньшинства. Ц. 15 к.
Его же.
Множественное (плюральное) избирательное право. Ц. 15 к.
Давыдовъ, Н. В.
Женщина передъ уголовнымъ судомъ. Ц. 15 к.
Делевскій, Ю.
Поэзія и проза французской политической жизни. Ц. 10 к.
Дживелеговъ, А. К.
Ростъ представительныхъ учрежденій на Западѣ. Ц. 10 к.
Его же.
Крестьянскія движенія на Западѣ. Историческій очеркъ. Ц. 8 к.
Діесперовъ, А.
А. И. Герценъ. Ц. 25 к.
Довнаръ-Запольскій, М. В.
Реформа общеобразовательной школы при императрицѣ Екатеринѣ II. Ц. 15 к.
Его же.
Историческій процессъ русскаго народа въ русской исторической наукѣ. Ц. 10 к.
Его же.
Политическіе идеалы М. М. Сперанскаго. Ц. 20 к.
Его же.
Страница изъ исторіи крѣпостного права въ XVIII—XIX вв. Ц. 20 к.
Его же.
Церковь и духовенство до-монгольской Руси. Ц. 15 к.
Его же.
Политическій строй древней Руси. Вѣче и Князь. Ц. 20 к.
Ермиловъ, В.
Реформаторы воспитанія. Амосъ Коменскій. Великая книга Локка. Ц. 10 к.
Его же.
Поборники свободы въ воспитаніи Бецкій и Новиковъ. Изданіе второе. Ц. 12 к.

Ермиловъ, В.
Идеалы воспитанія. К. Д. Ушинскій. Ц. 7 к.
Иошитанне-Санномійя, баронъ.
Государственный строй Японіи. Ц. 40 к.
Каминскій, С. В.
Декабристъ И. Д. Янушкинъ. Ц. 20 к.
Кедровъ, П.
Рабочіе союзы въ Англіи, Германіи, Франціи, Америкѣ, Бельгіи, Австріи, Швейцаріи. Ц. 5 к.
Крюковъ, Н. А.
Земля и какъ съ ней лучше всего распорядиться. Ц. 10 к.
Его же.
Мысли объ участіи народа въ государственномъ домостроительствѣ. Ц. 8 к.
Львовъ, Т.
Что такое конституція и какіе бываютъ порядки въ конституціонномъ государствѣ? Ц. 8 к.
Его же.
О свободѣ совѣсти. Ц. 8 к.
Милль, Д. С.
Избирательныя права женщинъ. Переводъ Н. Мировичъ. Ц. 10 к.
Мировичъ, Н.
Очерки изъ исторіи Велик. франц. революц.
Камиллъ Дэмуленъ. Ц. 15 к.
Шарлотта Кордэ. Ц. 10 к.
Сенъ-Жюстъ. Ц. 10 к.
Новикъ, И. Д.
Борьба за политическія права женщинъ. Историческій очеркъ. Ц. 15 к.
Его же.
Государственный строй Англіи. Ц. 15 к.
Его же.
Что такое правовое государство. Ц. 10 к.
Ржевскій, В. А.
Крестьянскій вопросъ и аграрная реформа. Ц. 15 к.
Толстой, Л.
Великій грѣхъ. Ц. 10 к.
Хвостовъ, В.
Общественное мнѣніе и политическія партіи. Ц. 15 к.
Чеховъ, Н. В.
Свободная школа. Опытъ организаціи средней школы новаго типа. Ц. 15 к.

Книжные магазины Т-ва И. Д. Сытина:

въ Москвѣ, С.-Петербургѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Ростовѣ-на-Дону, Екатеринбургѣ, Воронежѣ, Варшавѣ, Харьковѣ, Иркутскѣ и на Нижегородской ярмаркѣ.

P. 4.

Сверхсрочно — Букотдел
Кв. № 10925 193 г.
Прод. цена Р. 3 к. 2